

РАЗВОД

РАЗВОД

Ирэн Весёлая

*Личный
реабилитолог
для гудовища*
Ирэн Весёлая

Ирэн Весёлая

Развод: Личный реабилитолог для чудовища

<https://litres.ru/74469137>

Аннотация

«Ты пахнешь лекарствами и моим прошлым, Еся. А я хочу жить!» — заявил муж в день нашей фарфоровой свадьбы и захлопнул дверь, оставив меня с пустым кошельком. Двадцать лет брака. Пять лет я вытаскивала его с того света после аварии, срывала спину массажами, работала на износ. А когда он встал на ноги и похорошел — я стала не нужна. Старая. Скучная. Удобная.

Чтобы не умереть с голоду, я устроилась в элитный санаторий. Мой подопечный — Стефан, угрюмый отшельник, живущий в старом домике лесника из милости главврача. Он груб, беден и ненавидит жалость. Но у меня есть дар — мои руки лечат любую боль. Я поставлю его на ноги, не зная, что мой «нищий» пациент на самом деле владелец этой империи. И у него свои счета с такими, как мой бывший муж.

В тексте есть: Жизненная драма и развод (будет больно, но справедливо) ♥# Сильная героиня 40+ (которая вспомнит, что она Женщина) Мужчина-загадка (сначала бедняк, потом миллионер) Медицина и исцеление (чувственно и тактильно) ♣♣#

Бумеранг предателю (бывший кусает локти) ☆☆☆ ХЭ (счастливый финал, который мы заслужили!)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3 (Макар)	30
Глава 4	44
Глава 5	62
Глава 6	78
Глава 7(Стефан)	92
Глава 8	104
Глава 9 (Макар)	115
Глава 10	130
Глава 11(Стефан)	144
Глава 12	156
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Глава 1

Духовка тихо гудела, и этот звук казался мне самым уютным на свете. По кухне плыл густой, пряный аромат розмарина и печеных яблок. Я приоткрыла дверцу, и в лицо ударило горячим паром. Гусь выходил идеальным: корочка уже стала глянцево-коричневой, именно такой, как любил Макар. Жир шипел, стекая на противень, словно аплодировал моим стараниям.

Я осторожно полила тушку вытопившимся соком. Двадцать лет. Фарфоровая свадьба.

Цифра в голове не укладывалась. Казалось, только вчера мы, глупые и счастливые студенты, клеили дешевые обои в нашей первой съемной однушке и ели пельмени из одной тарелки, потому что вторую разбили при переезде. А теперь...

Я выпрямилась, чувствуя привычное напряжение в пояснице — сказывалась смена в больнице. Сегодня был тяжелый день: два инсультника и спинальник весом под сто килограммов. Мои руки, привыкшие разминать чужую боль, сейчас слегка подрагивали, удерживая тяжелую ложку. Но это была приятная усталость.

На столе в гостиной уже стоял наш парадный сервиз — белый, с тонкой золотой каймой. Я доставала его редко, берегла. Макар всегда смеялся над этим: «Еся, вещи нужны, чтобы ими пользоваться, а не пыль собирать». Но сегодня

случай особый.

Я подошла к зеркалу в прихожей, критически оглядывая себя.

Платье глубокого винного цвета сидело плотно. Может быть, даже слишком плотно — за последние пару лет я немного раздалась в бедрах, но Макар утверждал, что ему так нравится даже больше. «Есть за что подержаться», — говорил он, шлепая меня пониже спины, когда проходил мимо на кухню.

Я поправила выбившуюся прядь русых волос. В уголках глаз залегли лучики морщинок. Неглубоких, но заметных, если присмотреться. Я коснулась их пальцем.

— Ну а что ты хотела, Есения Павловна? — прошептала я своему отражению. — Сорок один год, не девочка. Зато ты спасла его. Вы победили.

Взгляд упал на свадебное фото в рамке на комод. Макар там совсем мальчишка, худой, с вихрами. И сейчас — статный, широкоплечий мужчина, который выглядит лучше, чем десять лет назад.

Никто не верил, что он встанет. Пять лет назад, когда искореженный металл его машины разрезали спасатели, врачи давали мне сухие, как осенние листья, прогнозы. «Готовьтесь к коляске». «Овощ». «Чудес не бывает».

Я продала тогда всё, что могла. Мамины серьги, дачу, отложенные на учебу Полины деньги (слава богу, дочь поступила на бюджет). Я сутками дежурила у его кровати. Я выучила анатомию его тела лучше, чем свою собственную. Каждую мышцу, каждый нерв. Я массировала его ноги по шесть часов в день, прерываясь только на то, чтобы поменять судно или влить в него бульон. Мои руки тогда стерлись в кровь от жестких простыней и бесконечных растираний.

Но он пошел. Сначала с ходунками, потом с тростью. А теперь ходит в спортзал три раза в неделю и выбирает приатленные рубашки, чтобы подчеркнуть торс.

Я поднесла запястье к лицу и принялась. Сквозь ноты дорогих духов (подарок Полины с первой стипендии) проби- вался едкий, специфический запах разогревающей мази. Я мыла руки трижды, терла их лимоном и кофейным жмыхом, но этот запах, казалось, въелся в подкорку. Профессиональ- ное клеймо массажиста-реабилитолога. Надеюсь, Макар не заметит. Он терпеть не мог этот запах — он напоминал ему о времени его немощи.

В замке повернулся ключ.

Сердце пропустило удар и забилося где-то в горле, как у школьницы перед первым свиданием. Я бросила быстрый взгляд на часы — ровно семь. Он пунктуален.

— С юбилеем, родной! — выдохнула я, распахивая дверь в гостиную и вылетая в прихожую.

Улыбка застыла на моем лице, как приклеенная маска.

Макар стоял на пороге. Он не стал разуваться, наступив дорогими ботинками прямо на пушистый светлый коврик, который я пылесосила полчаса назад. В руках у него не было цветов. Ни огромного букета роз, который он обычно дарил, ни даже скромных тюльпанов.

В его правой руке была зажата ручка дорожной сумки. Той самой, из рыжей кожи, которую мы купили ему в прошлом месяце для командировок.

— Макар? — голос предательски дрогнул и сел. — Ты... ты уезжаешь? Срочная командировка?

Мозг лихорадочно искал оправдания. Конечно, командировка. У них в автосалоне сейчас закрытие квартала, вечно какие-то проверки из Москвы. Он просто забыл предупредить. Замотался. Бывает.

Я шагнула к нему, чтобы обнять, по привычке тянясь губами к щеке.

Он дернул головой, уклоняясь. Мои губы мазнули по колючему воздуху в сантиметре от его скулы. От него пахло холодной улицей и чужим, резким парфюмом, который я не узнала.

— Нам надо поговорить, Еся, — его голос звучал пугающе ровно. Тихий, спокойный тон, от которого у меня внутри всё сжалось в ледяной комок. — Гусь отменяется.

— Как отменяется? — я глупо моргнула, всё еще не понимая, не желая понимать. — Он же почти готов... Четыре

часа в духовке... Макар, что случилось? Кто-то умер?

Он прошел мимо меня в гостиную, затем в спальню так и не сняв ботинки. Грязные следы протектора четко отпечатались на ламинате. Я смотрела на эти черные отметины и почему-то думала, что их будет трудно оттереть. За стеной было слышно шуршание одежды,скрежет молний..но я не могла сдвинуться с места и стояла как замороженная, смотря на дверь нашей спальни и не понимала,что происходит. Наконец он показался в двери. Сумка была набита битком — молния натянулась, грозя разойтись. Воцарилась мертвая тишина....

В комнате мерцали свечи. Блики играли на позолоте тарелок, на хрустале бокалов. Вся эта торжественность вдруг показалась мне нелепой, театральной декорацией к какой-то плохой пьесе.

Макар не сел за стол. Он встал у окна, спиной к накрытому пиршеству, и поставил сумку на пол. Звук удара кожи о пол прозвучал как выстрел.

— Сядь, пожалуйста, — попросила я. Ноги стали ватными, и я сама опустилась на краешек стула, сцепив руки на коленях, чтобы он не видел, как они дрожат.

— Я не буду садиться, — он наконец повернулся. Его лицо было странным. Не злым, не расстроенным. Оно было... пустым. словно он смотрел не на жену, с которой прожил двадцать лет, а на предмет мебели. На старый шкаф, кото-

рый жалко выкинуть, но он уже не вписывается в интерьер.

— Есения, — он назвал меня полным именем. Не «Еся», не «родная». — Я ухожу.

Тишина в комнате стала звенящей. Было слышно, как на кухне тикает таймер духовки, отсчитывая последние минуты приготовления никому не нужного ужина.

— Куда? — вопрос вырвался сам собой, глупый и плоский.

— Не куда, а от кого, — он поморщился, словно у него заболел зуб. — Я перерос этот брак. Мы с тобой стали разными людьми.

— Разными? — я попыталась улыбнуться, но губы не слушались. — Макар, о чем ты говоришь? Мы же... Мы же через ад прошли вместе. Мы копили на новую машину, мы хотели летом на Алтай... Деньги на накопительном счете, помнишь? Мы же планировали...

Я хваталась за бытовые детали, как утопающий за соломинку. Наш общий счет. Наша "подушка безопасности", куда я откладывала половину своей зарплаты, отказывая себе в лишней паре туфель. Там была приличная сумма. Гарантия нашей стабильности.

— Денег там нет, — равнодушно бросил он.

— Что? — у меня перехватило дыхание.

— Я снял всё сегодня утром. Мне нужно на первое время. Снять квартиру, обустроиться. Ты работаешь, проживешь. Квартиру делить будем через суд, но я предупреждаю: я вло-

жился в ремонт, так что на половину даже не рассчитывай.

Я смотрела на него и не узнавала. Это был не мой Макар. Не тот мужчина, которому я пять лет назад меняла памперсы и читала вслух Чехова, чтобы он не впал в депрессию.

Перед мной стоял чужой, расчетливый, циничный человек.

— Ты... ты украл наши деньги? — прошептала я.

— Не украл, а забрал свое. За моральный ущерб, — он усмехнулся, и эта усмешка резанула меня по сердцу сильнее ножа. — Я пять лет жил как в тюрьме, Еся. В тюрьме твоего режима, твоих таблеток, твоих диетических супчиков. Я заслужил компенсацию.

— Компенсацию? — я медленно поднялась. Гнев, горячий и тяжелый, начал подниматься со дна души, вытесняя страх. — Я спасла тебя! Я вытащила тебя с того света, когда твоя собственная мать отказалась забирать тебя лежачего! Я работала на двух работах, чтобы оплачивать твоих массажистов, пока сама не научилась делать это лучше их!

Макар скривился, словно я сказала непристойность.

— Вот именно, — процедил он, делая шаг ко мне. Теперь он нависал надо мной, давя своим ростом и физической мощью, которой он был обязан моим рукам. — Ты — напоминание. Я смотрю на тебя и вижу не женщину. Я вижу капельницы. Я вижу утку под кроватью. Я помню свою беспомощность, когда ты меня мыла. Ты — свидетель моего позора,

Еся. Ты — костыль. А я научился ходить. Костыль мне больше не нужен, его ставят в чулан.

Слезы, которые я сдерживала, хлынули из глаз. Не от жалости к себе, а от чудовищной несправедливости этих слов.

— У тебя кто-то есть, — это был не вопрос. Я поняла это по тому, как он поправил воротник рубашки, как блестели его глаза — лихорадочным, молодым блеском.

Макар не стал отпираться. Он даже расправил плечи, словно гордился этим.

— Есть. Её зовут Аделина. Ей двадцать четыре года.

Двадцать четыре. Ровесница нашей племянницы. На пять лет старше нашей дочери Полины.

— Она... она знает, что ты женат? — глупо спросила я.

— Она знает, что я несчастен, — отрезал он. И вдруг его лицо изменилось. Стало мечтательным, мягким. Таким, каким он смотрел на меня двадцать лет назад. — Она живая, Еся. Она не знает про мои пролежни. Она смотрит на меня как на мужчину, как на героя, а не как на пациента с историей болезни. С ней я чувствую себя молодым. С ней мне хочется жить, а не доживать.

Он взял со стола крахмальную салфетку, которую я так старательно сворачивала в форме лилии. Покрутил в руках, скомкал и небрежно бросил прямо в тарелку с салатом «Цезарь». Салфетка тут же пропиталась соусом, превращаясь в грязный ком.

Так же он только что поступил с моей жизнью.

— Двадцать четыре года... — повторила я, чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу. — Макар, это же смешно. Ты для неё... кошелек. Стареющий папик.

Его глаза сузились. Удар достиг цели.

— Заткнись, — тихо сказал он. — Не суди всех по себе. Не всем нужны только деньги и гарантии. Аделина любит меня. Он резко наклонился, подхватил сумку.

Я не верила, что это конец. Так не бывает. Не в день юбилея. Не после всего, что было.

Я дернулась к нему, вцепилась пальцами в рукав его кожаной куртки. Пальцы соскользнули, но я ухватилась крепче.

— Макар, подожди! Не делай глупостей. Это кризис среднего возраста, это пройдет! Мы можем сходить к психологу... Давай просто поговорим, не руби с плеча! Подумай о Полине!

Он остановился. Медленно, с брезгливостью, отцепил мои пальцы от своего рукава. Словно стряхнул грязь.

Потом шагнул ко мне вплотную. Настолько близко, что я увидела расширенные зрачки в его серых глазах.

Он наклонился к моему лицу, шумно втянул воздух носом — в районе моей шеи и волос. И его лицо перекосило гримасой отвращения. Такой искренней, что мне захотелось

содрать с себя кожу.

— Посмотри на себя, Еся, — прошептал он. — Ты хорошая баба. Хозяйственная. Удобная. Но я смотрю на тебя, и мне хочется выть от тоски.

— Макар...

— Ты пахнешь борщом и лекарствами, — припечатал он. Каждое слово падало как камень. — Этим чертовым финалгоном и старым жиром. Этот запах... он пропитал здесь всё. Стены, шторы, твою одежду, твою кожу. Я задыхаюсь здесь. А я еще жив, слышишь? Я еще мужик. Я хочу женщину, которая пахнет духами и сексом, а не аптекой и жалостью. Прощай.

Он развернулся и вышел в прихожую.

Я стояла, не в силах пошевелиться. В голове билась только одна мысль: «Я мыла руки. Я три раза мыла руки».

Хлопнула входная дверь. Звук был глухим и окончательным. Щелкнул замок — он закрыл дверь снаружи своим ключом.

Я осталась одна посреди идеально убранной гостиной. Свечи продолжали гореть, отражаясь в темном окне. Таймер на кухне звякнул — гусь был готов.

В квартире повисла тишина, нарушаемая только моим тяжелым, хриплым дыханием.

Я подняла руки и поднесла их к лицу.

Они пахли розмарином, дорогим мылом и... да. Едва уловимо, тонко, но отчетливо — лекарственной мазью. Запах боли, которую я забирала у других. Запах, который спас его. И за который он меня возненавидел.

Ноги подогнулись, и я медленно опустилась на пол, прямо в нарядном платье, прижимая ладони к лицу. Но слез не было. Было только ощущение, что из меня, как из пробитого воздушного шара, со свистом выходит жизнь.

Глава 2

Я сидела на полу в прихожей, прислонившись спиной к холодной стене, и смотрела на дверь. В голове было пусто и гулко, как в оцинкованном ведре. Даже слезы высохли, оставив на щеках стягивающую, неприятную корку.

Сколько я так просидела? Минуту? Десять? Час? Время растянулось, превратилось в вязкую смолу.

В замке скрежетнул ключ.

Звук был тихим, металлическим, но в мертвой тишине квартиры он прогремел как выстрел. Меня подбросило. Сердце, которое, казалось, уже остановилось, вдруг заколотилось с бешеной скоростью, ударяясь о ребра.

Вернулся.

Господи, он вернулся!

Конечно. Ну конечно же. Это просто нервы. Кризис. Он дошел до машины, посидел, остыл и понял, что натворил. Нельзя же вот так — перечеркнуть двадцать лет жизни из-за какой-то глупой интрижки. Он сейчас войдет, извинится, мы сядем ужинать... Пусть гусь остыл, разогреем. Главное, что он здесь.

Я вскочила на ноги, торопливо отирая лицо ладонями, пытаюсь придать себе хоть сколько-нибудь достойный вид. Поправила подол платья, который задрался, пока я сползала по стене.

Дверь распахнулась.

На пороге возник Макар. Он был всё в той же кожаной куртке, всё с тем же выражением лица — деловитым, сосредоточенным, чужим. Он даже не взглянул на меня. Словно я была вешалкой или тумбой для обуви — просто препятствием на пути.

— Макар? — выдохнула я, делая шаг навстречу. Надежда трепетала внутри робкой птицей. — Ты... ты передумал?

Он прошел мимо, снова не разуваясь. Грязь с его ботинок — мокрый осенний песок — снова посыпалась на ламинат, удлиняя цепочку следов, ведущую вглубь нашего дома.

— Забыл кое-что, — бросил он через плечо. Голос был сухим, как наждак.

Он направился напрямиком на кухню. Я поплелась за ним, не понимая, что происходит. Может, он забыл лекарства? Или документы на машину?

Макар подошел к столешнице, где стояла наша гордость — хромированная кофемашина с капучинатором. Он сам подарил мне её на прошлый Новый год. Я тогда пицчала от восторга, потому что давно мечтала о настоящем латте по утрам, как в кофейне. «Чтобы ты просыпалась с улыбкой, Еся», — сказал он тогда, целуя меня в макушку.

Сейчас он резким движением выдернул вилку из розетки. Шнур хлестнул по кафелю черной змеей.

— Ты... что ты делаешь? — прошептала я, наблюдая, как он вытаскивает поддон и выливает воду прямо в раковину,

даже не включив кран.

— Забираю, — буркнул он, протирая корпус рукавом куртки. — Я за неё кредит полгода платил, документы на меня оформлены.

— Но это же подарок... Ты мне её подарил...

Он наконец посмотрел на меня. В его взгляде не было ни стыда, ни жалости. Только холодный расчет собственника.

— Аделина любит капучино по утрам, — просто сказал он. — А у неё турка старая, неудобная. Тебе всё равно вредно много кофе пить, давление скачет.

Я задыхнулась. Воздух застрял в горле колючим комом. Он не просто забирал вещь. Он забирал мои утренние улыбки, мой маленький уют, мой подарок — чтобы отвезти его ей. Чтобы варить ей кофе в машине, которую выбирала я.

Он подхватил тяжелый агрегат под мышку, кряхтя от натуги.

— И вот еще что, — он шагнул в гостиную.

На диване лежал плед. Мягкий, шерстяной, из шерсти альпаки. Дорогой, невероятно теплый. Я куталась в него вечерами, когда ждала его с работы, или когда у меня ломило суставы на погоду после тяжелых смен. Он пах моим домом. Моим теплом.

Макар сгреб плед свободной рукой, комкая его, как старую тряпку.

— В новой квартире пока пусто, — пояснил он, направляясь к выходу. — Пригодится. На первое время, пока не

обустроимся.

Я стояла посреди кухни, глядя на осиротевшую розетку и мокрое пятно в раковине. Меня трясло. Это было не просто предательство. Это было мародерство. Он грабил нашу память, растаскивал наш быт на куски, чтобы построить из этих обломков шалаш для своей новой любви.

В прихожей снова хлопнула дверь. На этот раз он не сказал ни слова.

Я не побежала за ним. Я не стала кричать, умолять или проклинать. Я просто стояла и слушала, как удаляются его шаги по лестнице. Потом заурчал мотор машины. Нашей машины. И звук стих.

Теперь я осталась совсем одна.

Тишина в квартире стала плотной, ватной. Она давила на уши.

Я вернулась в гостиную. Свечи погасли сами собой, оставив после себя тонкие струйки сизого дыма и запах горелого фитиля. Этот запах смешивался с ароматом остывшего гуся.

Гусь.

Он лежал на блюде, красивый, румяный, но уже потерявший свой жар. Жир на дне противня начал застывать белесыми хлопьями. Я смотрела на эту птицу, которую выбирала на рынке два часа, торгуясь с фермером за лучшую тушку. Которую мариновала сутки в специях.

Внезапно меня затошнило. Вид этой еды, приготовленной с такой любовью для человека, который вытер о меня ноги,

стал невыносим.

Я схватила блюдо. Руки дрожали так, что керамика звякнула.

Подошла к мусорному ведру на кухне, нажала на педаль. Крышка поднялась.

— Жри, — прошипела я в пустоту, опрокидывая блюдо.

Тяжелая тушка с глухим, влажным звуком шлепнулась в мусорный пакет, похоронив под собой картофельные очистки. Сверху я вытряхнула печеные яблоки. Жир потек по стенкам ведра.

Это было кошунство. Моя бабушка, пережившая голод, убила бы меня за такое. Но я не могла оставить его. Я не могла завтра разогреть это и есть. Я бы подавилась каждым куском.

Я вернулась к столу. Салат «Цезарь», в котором так и лежала скомканная грязная салфетка, отправился следом за гусем. Туда же полетела нарезка, оливки, хлеб.

Я действовала механически, как заведенная кукла. Взять тарелку — донести до ведра — вывалить — бросить в раковину. Взять — донести — вывалить.

В раковине росла гора грязной посуды. Той самой, с золотой каймой. Я включила воду, и горячая струя ударила в фарфор. Я схватила губку, выдавила моющее средство и начала тереть.

Я терла тарелки с остервенением, до скрипа, до боли в пальцах. Мне казалось, что если я сейчас отмою этот жир, этот соус, этот след чужого равнодушия, то станет легче. Что вода смывает грязь не только с посуды, но и с моей жизни.

Пена летела во все стороны, попадала на праздничное платье, но мне было все равно.

Резкая трель телефона заставила меня вздрогнуть. Тарелка выскользнула из мыльных рук и ударилась о дно раковины, но, к счастью, не разбилась.

Я вытерла руки о полотенце и пошла в прихожую, где на тумбочке лежал мобильный.

На экране светилось улыбающееся лицо. Полина.

Сердце сжалось. Господи, только не сейчас. Я не готова. У меня дрожит голос, у меня истерика стоит в горле комом. Я не могу быть сейчас мамой, я сама маленький, обиженный, раздавленный ребенок.

Но не ответить я не могла. Она учится в другом городе, она будет волноваться.

Я сделала глубокий вдох, пытаясь протолкнуть воздух сквозь спазм в груди. Нажала «принять».

— Привет, солнышко! — я постаралась вложить в голос всю бодрость, на которую была способна. Получилось фальшиво, слишком звонко, с истеричными нотками. — Как за-

четы? Сдала философию?

В трубке повисла тишина. Тяжелая, всхлипывающая тишина.

— Мам... — голос дочери дрожал. — Мам, ты... ты видела?

— Что видела, зайчик? — я прислонилась лбом к зеркалу. Стекло холодило кожу.

— Инстаграм. Папин.

Внутри все оборвалось.

— Нет, Поля. Я не смотрела. А что там?

— Мам, он... он совсем больной? — Полина сорвалась на плач, настоящий, детский, горький. — Скажи мне, что это шутка! Скажи, что вы просто поругались, и он решил тебя позлить!

— Полина, успокойся. Дыши. Что он выложил?

— Фото, — дочь шмыгала носом. — Сториз. Там... там руль его машины. И коленка какой-то бабы. В колготках в сетку. И рука ее на его руке. И подпись...

— Какая подпись? — мертво спросила я.

— «Новая жизнь. Наконец-то счастлив». И смайлик. Сердечко. Мама! Как он мог?! Сегодня же ваш день! Он же... он же выставил это на всеобщее обозрение! Все мои друзья подписаны, тетя Люба, бабушка... Мам, это позор какой-то!

Я закрыла глаза.

Час. Прошел всего час с тех пор, как он вышел за дверь.

Он не просто ушел. Он не просто забрал кофемашину.

Он объявил на весь мир, что счастлив без меня. Публично. Сразу. Не выждав ни дня, ни недели приличия. Он плюнул в наши двадцать лет брака, выставив фото чужой коленки как трофеем.

«Наконец-то счастлив».

Значит, до этого он был несчастен. Со мной. В нашей квартире, в нашей постели, в нашей жизни.

— Мама, почему ты молчишь?! — кричала Полина. — Я ему сейчас позвоню! Я ему такое устрою! Я напишу этой швабре...

— Не надо, — мой голос прозвучал тихо, но твердо. Я сама удивилась этой твердости. — Полина, не смей.

— Что «не смей»? Он предал нас!

— Он предал меня, Поля. А ты — его дочь. Не унижайся. Не пиши, не звони, не комментируй. Не давай им повода обсуждать нашу истерику.

— Но мам!

— Занимайся учебой, Полина. У тебя сессия. Это важнее, чем папин кризис среднего возраста. Мы разберемся. Я разберусь. Всё будет хорошо.

— Ты плачешь? — тихо спросила дочь.

— Нет, — соврала я, чувствуя, как горячая капля ползет по носу. — Я просто устала. Гуся готовила. Иди спать, родная. Я люблю тебя.

Я нажала отбой, не дожидаясь ответа, и швырнула телефон на тумбочку.

Меня трясло от омерзения. Представила, как сейчас тетя Люба, вечная сплетница, пересылает скриншот этого сториз всей родне в Ватсапе. Как друзья Макара ставят лайки. Как эта... Аделина... читает комментарии и торжествует.

Я не могла больше находиться в прихожей. Стены давили.

Ноги сами понесли меня в спальню. Туда, где Макар собирал вещи.

Комната встретила меня разгромом. Дверцы шкафа-купе были распахнуты настежь. Пустые вешалки покачивались от сквозняка из приоткрытого окна, тихонько позвякивая друг о друга. Этот звук напоминал стук костей.

На полу валялись какие-то старые футболки, которые он не стал брать. Один носок. Коробка из-под обуви.

Постель была смята — он, видимо, бросал на неё вещи, когда паковался.

Я подошла к своей половине кровати. Села, погладила подушку. Она еще пахла им. Этот запах, который я любила два-

дцать лет, теперь вызывал спазмы в желудке.

Мой взгляд упал на прикроватную тумбочку с его стороны.

Обычно там царил идеальный порядок — телефон, часы, стакан воды. Сейчас там было пусто. Только пыль в свете ночника.

И маленькая, смятая бумажка, застрявшая под металлическим основанием лампы. Белый комочек, похожий на мусор.

Макар, наверное, выгребал мелочь из карманов брюк, когда переодевался в джинсы, и бумажка выпала, закатившись под лампу.

Я протянула руку. Зачем? Не знаю. Инстинкт хозяйки — убрать мусор.

Я достала бумажку, расправила её на колене.
Это был чек.

Кассовый чек из магазина «Элит-Золото».

Логотип был знакомым — этот ювелирный находился в крупном торговом центре, мимо которого я ездила на работу.

Я пробежала глазами по строчкам, и буквы начали рас-

плываться.

*Наименование:*Браслет золотой, топазы, фианиты. Арт. 4509-К.

*Сумма:*85 000 рублей 00 копеек.

*Способ оплаты:*Карта ****4589 (наша общая карта).
Восемьдесят пять тысяч.

Сумма для нашего бюджета огромная. Неподъемная. Это три моих зарплаты в больнице.

Но убила меня не сумма.

Убила меня дата.
12 ноября. 14:30.

Я уставилась на эти цифры, и память услужливо, ярко, как в кино, подсунула мне картинку того дня.

12 ноября. Вторник.

Была отвратительная погода. Мокрый снег с дождем, ледяной ветер.

У Макара тогда обострилась грыжа. Он лежал пластом три дня, не мог пошевелиться. Врач прописал курс дорогих хондропротекторов — импортных, дефицитных. Одна упаковка

стоила двенадцать тысяч. Нужно было три. Плюс обезболивающие. Плюс специальный корсет.

Я стояла в аптеке и считала деньги в кошельке. На карте было пусто (мы же копили, всё лишнее скидывали на тот самый счет).

В то утро у меня окончательно лопнула подошва на зимних сапогах. Правый сапог «просил каши», и ледяная жижа заливалась внутрь, отчего пальцы ног онемели и не чувствовались.

Я собиралась купить себе новые сапоги. Не дорогие, обычные, в дисконте. Но ноги Макара были важнее. Его спина была важнее.

И я купила лекарства. Все, что было в списке.

А сапоги заклеила дома суперклеем, надеясь, что они протянут еще сезон. И ходила потом неделю с мокрыми ногами, заработав цистит.

Я смотрела на чек.

12 ноября. 14:30.

В то самое время, когда я стояла в очереди в аптеке, хлюпая дырявым сапогом и выбирая между своим здоровьем и его комфортом...

Он был в ювелирном.

У него не болела спина настолько, чтобы не доехать до торгового центра.

Он взял деньги с нашего накопительного счета. С того самого счета, куда я откладывала каждую копейку «на черный день». И купил ей браслет.

Он подарил ей золото на деньги, которые я сэкономила на себе.

Он подарил ей украшение в тот день, когда я лечила его, забыв о себе.

— Тварь... — выдохнула я.

Слово сорвалось с губ непроизвольно.

Это было хуже, чем кофемашина. Хуже, чем фото в Инстаграме.

Это было воровство моей жизни. Он украл не деньги. Он украл мою заботу и переплавил её в побрякушку для любовницы.

Я сжала чек в кулаке так сильно, что ногти впились в ладонь до боли.

Воздуха не хватало. Комната поплыла перед глазами.

Я сползла с кровати на пол, прижалась спиной к тумбочке и завывала. Беззвучно, страшно, открывая рот, как рыба, выброшенная на берег. Из груди рвался крик, но сил кричать не было.

Я сидела на полу в пустой спальне, в нарядном платье, которое теперь казалось саваном, сжимая в руке доказательство того, что я была для него не женой, не любимой, и даже не другом. Я была просто ресурсом. Бесплатным, удобным, возобновляемым ресурсом, из которого он выкачал всё до последней капли, чтобы влить в другую.

И в этот момент, глядя на смятый чек, я поняла одно: я не прощу.

Никогда.

Даже если он приползет на коленях, даже если будет умолять — я не прощу.

Что-то умерло во мне в эту минуту. Та добрая, всепрощающая Еся, которая клеила сапоги и варила бульоны, умерла.

А кто родился вместо неё — я еще не знала.

Глава 3 (Макар)

(от лица Макара)

Я вдавил педаль газа в пол, чувствуя, как мощный мотор отзывается хищным рыком. Машина рванула вперед, разрезая мокрый ноябрьский асфальт. Мимо проносились фонари, превращаясь в размытые желтые полосы, похожие на трассирующие пули.

Свобода.

Это слово пульсировало в висках в такт тяжелым басам, которые я выкрутил на максимум. Обычно я слушал радио «Джаз» или какие-нибудь скучные новости бизнеса, потому что Есению раздражала громкая музыка — у нее, видите ли, мигрень после смены. Но сейчас в салоне гремел какой-то модный клубный трек, название которого я даже не знал. Кажется, Аделина ставила его пару раз.

Бум-бум-бум. Басы били по ушам, заглушая голос совести, который пытался что-то там вякнуть про двадцать лет брака и брошенную жену.

Я скосил глаза на пассажирское сиденье. Там, пристегнутая ремнем безопасности, словно дорогой гость, возвышалась хромированная кофемашина. В свете приборной панели ее бок хищно блестел.

Я усмехнулся. Трофей. Мой законный трофей.

Почему-то именно эта железяка сейчас казалась мне символом моей победы. Есения вечно тряслась над вещами. «Не ставь кружку без подставки», «протри носик капучинатора сразу», «засыпай только определенный сорт зерен». Духота. Сплошная, беспросветная духота. Она превратила наш дом в операционную, где каждый предмет имел свое место и инструкцию по применению.

А теперь всё. Баста. Я вырвался.

Я посмотрел в зеркало заднего вида. Темная улица, где остался мой подъезд, мой этаж, моя прошлая жизнь, исчезла за поворотом. Странно, но я не чувствовал ни грусти, ни сожаления. Только адреналин. Тот самый, забытый с юности, когда ты сбегаешь с пар, чтобы поцеловаться с девчонкой за гаражами. Ощущение, что ты обманул систему.

— Я не сбежал, — сказал я громко, перекрикивая музыку.
— Я эвакуировался.

Да, именно так. Я спасал себя. Есения... она хорошая женщина, врать не буду. Заботливая. Даже слишком. Но в этой заботе я задыхался.

Последние пять лет я жил как под стеклянным колпаком.

«Макар, тебе нельзя острое».

«Макар, не поднимай тяжелое».

«Макар, надень шарф, продует».

Она смотрела на меня не как на мужика, а как на хрустальную вазу, которую склеили суперклеем и боятся дышать в её сторону. В её глазах я всегда читал этот немой вопрос: «Как ты? Ничего не болит? Ты не сломаешься?».

Это унижало. Это кастрировало покруче любого ножа. Я чувствовал себя дряхлым стариком, которому меняют пеленки. А я, черт возьми, мужик! Мне сорок три, у меня тестостерон бурлит, я хочу жить на полную катушку, а не обсуждать вечером, какой хондропротектор лучше усваивается!

Аделина... О, с ней всё было иначе.

Она смотрела на меня снизу вверх, широко распахнутыми глазами, полными восторга. Для неё я был «Тигром», «Скалой», «Моим Королем». Она не знала, как я стонал от боли в спине по ночам. Она не видела меня беспомощным. Для неё я был кошельком на ножках — да плевать! Зато она давала мне то чувство власти и силы, которого мне так не хватало дома.

Я свернул на проспект, подрезав какого-то таксиста. Тот посигналил, я показал ему средний палец в окно и расхохотался.

Господи, как же хорошо!

Никаких больше «давай обсудим ремонт дачи». Никаких «надо помочь маме с рассадой». Никаких постных щей и паровых котлет.

Теперь — только стейки с кровью, секс до утра и жизнь без оглядки на тонометр.

Я подъехал к новостройке, где снимал квартиру для Аделины. Высотка сверкала огнями, как космический корабль. Элитный жилой комплекс, не то что наша сталинка с вечно ворчащими бабками у подъезда. Здесь пахло деньгами и успехом. Тем самым успехом, которого я, наконец-то, достиг, несмотря на все прогнозы врачей.

Припарковался, заняв сразу два места — плевать, я теперь здесь хозяин.

Вытащил из багажника сумку, перекинул ремень через плечо. Подхватил кофемашину. Тяжелая, зараза, килограммов десять, не меньше. Спина привычно кольнула в пояснице, напоминая о грыжах, но я лишь скрипнул зубами.

«Не сейчас, — приказал я своему телу. — Ты здорово. Ты молод. Ты идешь к любовнице, а не на процедуры».

Лифт вознес меня на двадцать пятый этаж за секунды. Уши заложило, как в самолете. Я поправил воротник кожаной куртки, пригладил волосы, глядя в зеркальную стену

лифта. Оттуда на меня смотрел крепкий мужик. Ну да, седина в висках, но это даже стильно. Джордж Клуни местного разлива.

Звонок в дверь. Сердце сладко екнуло. Сейчас она откроет. Сейчас будет визг радости, поцелуи, горячее тело...

Дверь распахнулась.

— Котик! — Аделина повисла у меня на шее прежде, чем я успел переступить порог.

Она была в том самом черном кружевном комплекте, который мы выбирали вместе неделю назад. Сверху наброшен полупрозрачный шелковый халатик, который больше открывал, чем скрывал.

В нос ударил запах её духов — сладких, приторных, с нотками ванили и мускуса. После стерильного запаха Есении (мыло, чистое белье, мазь) этот аромат бил по рецепторам, как кувалда. Пьянил. Дурманил.

— Ты приехал! Я так ждала! — она целовала меня в щеки, в губы, оставляя липкие следы блеска. — Ты насовсем? Ты сказал ей?

— Сказал, — я протиснулся в прихожую, стараясь не уронить кофемашину. — Всё, малыш. Я свободен. Я твой.

— Ура! — она захлопала в ладоши, и её накладные ресницы, похожие на крылья бабочки, затрепетали. — Мой Тигр вырвался из клетки!

Я шагнул вглубь квартиры и... споткнулся.

Под ногами валялась пустая коробка из-под пиццы. Жирное пятно от масла пропитало картон и уже начало впитываться в дорогой ламинат.

Я поморщился. Я люблю порядок. Есения приучила меня к тому, что пол должен быть таким, чтобы с него можно было есть.

Здесь же царил... творческий хаос. Если называть вещи своими именами — бардак.

На пуфике в прихожей горой была навалена одежда: джинсы, какие-то кофточки, колготки. Одна туфля валялась у двери, вторая — где-то в коридоре.

В воздухе висел тяжелый запах застарелой еды, смешанный с духами.

Я бросил взгляд в сторону кухни-гостиной. В раковине громоздилась Эверестом грязная посуда. Бокалы с остатками вина, тарелки с засохшим соусом, вилки... Казалось, здесь не мыли посуду неделю.

«Она творческая натура, — быстро сказал я себе, подавляя вспышку раздражения. — Она не клуша-домохозяйка. Она создана для любви, а не для тряпки».

— Котик, ты чего застыл? — Аделина потянула меня за рукав. — И что это у тебя за бандура?

Я гордо водрузил кофемашину на единственный свободный пяточок на столе, сдвинув в сторону грязную кружку с недопитым чаем, в котором плавал окурочок.

— Это тебе подарок, малыш, — торжественно объявил я. — Помнишь, ты жаловалась, что у тебя кофе невкусный? Теперь у тебя будет настоящий профессиональный бариста на дому.

Аделина подошла ближе, склонила головку набок.

Я ждал восторга. Ждал, что она оценит марку (итальянская сборка!), функционал, мою заботу.

— Ой, прикольно... — протянула она, проводя пальцем с длиннющим, хищным маникюром по хромированному боку. — Но она же... не новая?

Я поперхнулся воздухом.

— В смысле? Ей года нет. Она в идеальном состоянии. Я за неё восемьдесят тысяч отдал!

— Ну я вижу, — она ткнула пальчиком в царапину на корпусе. — Вот тут скол. И вот тут потертость. Ты её из дома забрал, да? У жены?

В её голосе проскользнули капризные нотки. Не благодарность, а претензия.

— Аделина, это лучшая машина в своем классе. Какая разница, где она стояла? Она варит божественный капучино. Я её специально для тебя привез, рисковал, можно сказать, под огнем выносил!

Я попытался перевести всё в шутку, но осадочек остался. Я-то думал, я герой, добытчик. А оказалось, притащил «бэушку».

— Ладно, ладно, не дуйся, — она чмокнула меня в нос, мгновенно меняя гнев на милость. — Ты у меня такой хозяйственный. Всё в дом, всё в дом.

Она повернулась к моей дорожной сумке, которую я поставил на пол. Сверху на сумке лежал плед из альпаки. Тот самый, за который я заплатил бешеные деньги в Перуанском магазине пару лет назад.

— А это что за пылесборник? — Аделина брезгливо подцепила край пледа двумя пальцами, словно это была дохлая крыса.

— Это плед. Из альпаки. Очень теплый, — я начал чувствовать себя идиотом. — Я подумал, у тебя тут прохладно бывает, панорамные окна всё-таки...

— Фу, котик! — она сморщила носик. — Он же воняет нафталином! И колючий, наверное. Убери этот бабушкин сундук. Мы же договорились: новая жизнь — новые вещи! Я видела в ЦУМе такие классные шелковые покрывала, и чемоданы там есть, «Луи Виттон», а не этот твой... саквояж из девяностых.

«Саквояж из девяностых» — это она про мою кожаную итальянскую сумку, которая стоила как половина её гардероба.

Я почувствовал укол обиды. Есения этот плед обожала.

Она куталась в него и говорила: «Как в облаке». И сумку эту она выбирала, хвалила кожу, говорила, что она выглядит солидно...

Стоп. Причем тут Есения?

Аделина права. Это всё — старье. Груз прошлого. Я при-
тащил в нашу новую, яркую жизнь куски старой, больной ре-
альности.

— Ты права, малыш, — я заставил себя улыбнуться, хо-
тя улыбка вышла натянутой. — Выкинем потом. Купим всё
новое. Я же обещал.

— Обещал! — она просияла. — Ты у меня лучший! Я
сейчас в душ сбегаю быстренько, освежусь, а ты пока... ну,
осваивайся. Вино в холодильнике, бокалы... ой, бокалы вро-
де чистые кончились. Ну, сполосни там парочку, ладно?

Она упорхнула в ванную, виляя бедрами. Дверь закры-
лась, и я услышал шум воды.

Я остался один посреди этого бедлама.

«Сполосни парочку».

Я — Макар Лукьянов, ведущий менеджер автосалона, без
пяти минут начальник отдела продаж, должен мыть посуду
в квартире любовницы, за которую я же и плачу.

Есения никогда не просила меня мыть посуду. У неё всегда всё блестело.

Я тряхнул головой, отгоняя эти мысли. Не сравнивай. Не смей сравнивать. Там была тюрьма комфорта, здесь — свобода хаоса. Свобода стоит того, чтобы помыть пару бокалов.

Я подошел к раковине, сдвинул гору тарелок, нашел два бокала. Сполоснул их под краном, стараясь не запачкать манжеты рубашки. Вытер бумажным полотенцем (тканевого я не нашел).

Надо разобрать вещи. Аделина права, сумка выглядит здесь чужеродно. Надо переложить одежду в её шкаф, обозначить территорию.

Я открыл сумку.

Сверху лежали рубашки, джинсы, несессер с бритвой.

Я начал выкладывать стопки белья на стул (потому что в шкаф лезть без разрешения пока не решился, да и там наверняка такой же бардак).

В боковом кармане сумки лежали документы: паспорт, права, медкнижка (осталась с санатория). Я достал их, чтобы положить на полку.

Из паспорта, кружась, выпала маленькая фотография. Она упала на пол, лицом вверх, прямо на грязный ламинат.

нат, рядом с коробкой от пищи.

Я замер. Наклонился и поднял её.

Это было фото пятилетней давности.

День моей выписки из больницы. Тот самый день, когда врачи сказали: «Чудо, что он вообще стоит».

На фото мы стояли у крыльца клиники.

Есения. Уставшая, серая, с темными кругами под глазами. Без макияжа, в какой-то бесформенной куртке. Волосы собраны в небрежный хвост. Она улыбалась, но в этой улыбке была такая смертельная усталость, что больно смотреть.

И я.

Господи, неужели это я?

Худой, как скелет. Кожа желтушного цвета. Щеки впали, глаза провалились. Я стоял, опираясь одной рукой на трость, а другой — тяжело, всем весом висел на плече Есении. Я буквально давил её к земле своей немощью.

На мне были старые треники, потому что джинсы на меня тогда не налезали из-за корсета. Я выглядел жалким. Я выглядел раздавленным.

Я смотрел на этот снимок, и меня накрыла волна холод-

ного, липкого стыда.

Не благодарности, нет. Стыда.

Я ненавидел этого человека на фото. Ненавидел свою слабость. Ненавидел то, как я зависел от этой женщины.

Смотрите, какой я беспомощный! Смотрите, как жена меня тащит!

Это фото было доказательством моего позора. Документальным свидетельством того времени, когда я был не мужчиной, а обузой.

Пока это фото существует — я не смогу быть полностью свободным. Я всегда буду помнить, что я — должник.

Что эта «Скала», этот «Тигр», которым восхищается Аделина — это всего лишь фасад, отреставрированный руками Есении.

Злость, горячая и едкая, ударила в голову.

Я не хочу быть должником! Я расплатился! Я оставил ей квартиру, машину (ну, почти), я жил с ней, терпел её опеку. Я всё отдал!

— Котик, ты где? Я уже выхожу! — донесся голос Аделины из-за двери ванной. — Наливай винишко!

Я посмотрел на фото еще раз. На уставшее лицо жены, которая отдала всё, чтобы я стоял на ногах. И на свое жалкое лицо.

— К черту, — прошептал я.

Я подошел к мусорному ведру под раковиной. Оно было переполнено: коробки от вока, пустые пачки сигарет (Аделина курила, когда нервничала), использованные ватные диски со следами тоналки. Грязь. Мусор.

Я брезгливо двумя пальцами поднес фото к ведру.

На секунду рука дрогнула. Всё-таки двадцать лет...

Но потом я вспомнил запах мази. Вспомнил судно. Вспомнил жалостливые взгляды соседей.

Я разжал пальцы.

Глянцевый прямоугольник спланировал вниз и упал прямо на грязную, жирную салфетку. Лицо Есении скрылось под окурком.

Сверху я с силой швырнул пустую банку из-под энергетика, которую нашел на столе. Банка с хрустом смялась, окончательно погребая под собой мое прошлое.

Всё.

Нет больше того инвалида. Нет больше той жены-сиделки.

Есть только я — Макар, успешный, сильный, желанный.
Я захлопнул дверцу шкафчика под раковиной.

Подошел к холодильнику, достал бутылку вина.

Дверь ванной открылась, и Аделина выплыла в облаке пара, розовая, распаренная, завернутая в полотенце.

— О, ты уже готов! — она облизнула губы.

— Всегда готов, — я улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой, чувствуя, как внутри разливается легкость.

Я выключил свет в коридоре, оставляя мусорное ведро в темноте.

Я выбрал жизнь. И пусть кто-то посмеет меня осудить.

Глава 4

Утро началось не с солнечного луча на подушке, а с свинцовой тяжести в затылке. Я открыла глаза и несколько секунд тупо смотрела в потолок, на знакомую трещинку в штукатурке, напоминающую русло пересохшей реки.

В первую секунду по привычке захотелось потянуться, спустить ноги с кровати и пойти на кухню ставить чайник. Но тут память услужливо, как жестокий киномеханик, включила кадры вчерашнего вечера.

Макар. Чемодан. Гусь в мусорном ведре. Чек из ювелирного.

Я резко села. Голова отозвалась гулким звоном. В квартире было тихо той особенной, мертвой тишиной, которая бывает только в покинутых домах. Даже холодильник на кухне не гудел, словно тоже впал в депрессию.

Желудок скрутило спазмом. Я ничего не ела со вчерашнего обеда.

Встала, накинула халат. Тот самый, махровый, уютный, в котором я любила пить кофе по утрам. Сейчас он показался мне сиротским.

На кухне было чисто — я вчера выдраила всё до блеска,

пытаясь смыть свою боль. Только пустое место на столешнице, там, где раньше стояла кофемашина, зияло как выбитый зуб.

Я открыла холодильник. Пустота. Вчера в припадке истерической уборки я выкинула абсолютно всё, что готовила для праздника, а вместе с этим — и остатки повседневной еды. На полке сиротливо желтел сморщенный лимон и стояла начатая пачка майонеза.

«Отличное начало новой жизни, Есения», — мрачно поздравила я себя.

Надо идти в магазин.

Я оделась быстро, не глядя в зеркало. Старые джинсы, свитер, пуховик. На улице ноябрь — самый гадкий месяц в году. Серый, промозглый, безнадежный.

Вышла из подъезда и сразу угодила ногой в жижу из мокрого снега и реагентов. Тот самый сапог, который я клеила суперклеем, предательски хлопнул. Ледяная вода тут же обожгла пальцы.

Я стиснула зубы. Ничего. Куплю новые. С аванса. Или... стоп. Аванс только через две недели.

Ладно. Прорвемся.

В ближайшем сетевом супермаркете былолюдно и душно. Пахло мокрыми куртками и дешевой выпечкой. Я бродила между рядами, чувствуя себя привидением.

В корзину полетел необходимый минимум: пакет молока, батон, десяток яиц, пачка макарон по акции.

Я замерла у полки с кофе. Рука по привычке потянулась к зерновому «Lavazza», который мы брали всегда. Ценник кусался.

Я одернула руку. Кофемашины нет. Варить в турке? У меня её нет, турка уехала к Аделине вместе с моей гордостью.

Я взяла с полки упаковку растворимого кофе «3 в 1». Десять пакетиков. Гадость редкостная, сплошной сахар и пальмовое масло, но сейчас мне нужен был просто кофеин, чтобы не упасть.

На кассе сидела грузная женщина с фиолетовыми тенями на веках.

— Пакет надо? — буркнула она, пробивая мои скромные покупки.

— Нет, спасибо, свой есть.

Я достала карту. Ту самую, зарплатную, которая была при-

вязана к нашему общему семейному счету. Макар всегда говорил: «Так удобнее, Еся. Все деньги в одном котле, проще копить, проще планировать». Я, наивная дура, кивала. Я же доверяла ему больше, чем себе.

Приложила пластик к терминалу.

Противный писк.

«Отказ в операции».

Кассирша вздохнула, закатив глаза:

— Женщина, средств недостаточно. Попробуйте другую.

У меня похолодело внутри. Как недостаточно? Там должна быть моя зарплата за прошлый месяц. Я же почти ничего не тратила, всё шло в «общий котел».

Я попробовала еще раз. Дрожащими пальцами вставила карту чипом, ввела пин-код.

Терминал думал долго, словно издевался.

«Недостаточно средств».

Очередь сзади начала роптать.

— Девушка, ну сколько можно? Мы на работу опаздываем!

— Не задерживайте, у меня ребенок!

Я чувствовала, как краска заливает лицо, шею, уши. Мне сорок один год. Я врач-реабилитолог высшей категории. А стою здесь, как школьница, пойманная на краже жвачки, и не могу оплатить батон и яйца.

— Подождите... — пробормотала я, судорожно роюсь в сумке.

Дрожащими руками достала телефон, зашла в мобильный банк.

Приложение грузилось вечность.

И вот он, приговор.

Баланс: 0.00 руб.

И красная пометка: «Счет заблокирован основным держателем».

Он не просто снял накопления.

Он перекрыл мне кислород полностью. Он отрезал меня от моих же заработанных денег, потому что счет формально был открыт на его имя. «Так процент по вкладу выше, Еся, у меня же премиальный пакет в банке».

Я переводила туда всё.

— Женщина! — рявкнула кассирша. — Вы платить будете или мне охрану звать?

Я вытряхнула кошелек на резиновую ленту транспортера.

Две мятые купюры по сто рублей. Горсть мелочи.

Я начала считать, глотая злые, унижительные слезы.

— Уберите кофе, — тихо сказала я.

— Что?

— Кофе уберите. И макароны.

Кассирша демонстративно цокнула языком и нажала кнопку отмены.

Денег хватило на хлеб, молоко и яйца. И на один маленький пакетик кофе «3 в 1» на кассе.

Я сгребла покупки в охапку и выбежала из магазина, чувствуя спиной жгучие, презрительные взгляды очереди.

В больницу я пришла за полчаса до смены. Мне нужно было отдышаться, привести себя в порядок.

Зашла в ординаторскую. Здесь пахло хлоркой, старой бумагой и дешевым растворимым кофе — точно таким же, ка-

кой я купила сегодня. Этот запах, который раньше был просто фоном, теперь казался запахом нищеты.

— Есения Павловна, вы сегодня рано, — удивилась Зинаида Петровна, наша старшая медсестра, женщина монументальная и суровая, как памятник Ленину.

— Доброе утро, — я постаралась улыбнуться. — Зинаида Петровна, можно вас на минуту?

Она оторвалась от заполнения табелей, сдвинула очки на нос:

— Слушаю. Что-то случилось? Вид у тебя, краше в гроб кладут.

— Мне нужны дополнительные смены. Или ставка. Может, кто-то в отпуск уходит? Или на больничный? Я готова брать дежурства, ночные, выходные... Любые.

Зинаида Петровна покачала головой, и её лицо приняло скорбное выражение, которое она обычно берегла для родственников безнадежных больных.

— Есенька, милая. Ну ты же знаешь ситуацию. У нас сокращение фонда. Главврач приказал экономить каждый киловатт. Какое там расширение? У нас санитарки за полставки дерутся.

— Но мне очень нужно, — голос предательски дрогнул. — У меня... обстоятельства.

— У всех обстоятельства, — жестко отрезала она, возвращаясь к бумагам. — Кредиты, дети, ипотеки. Скажи спаси-

бо, что твою ставку не оптимизировали. Вон, в третьей городской вообще реабилитологов разогнали, оставили одного на пять отделений. Так что сиди тихо и работай.

Я вышла в коридор. Прислонилась к холодной стене, выкрашенной масляной краской грязно-персикового цвета.

В кармане халата лежала расчетка за прошлый месяц.

Я мысленно вычла из суммы квартплату (зимой отопление съедало львиную долю). Оставалось... Смешно сказать, сколько оставалось. На макароны хватит.

А как же суд? Макар ясно дал понять: он будет делить квартиру. Значит, мне нужен адвокат. Хороший адвокат, а не государственный защитник, которому плевать. А хороший юрист стоит денег.

А сапоги? Я снова почувствовала, как мокрый носок холодит ногу.

Я была в ловушке. В финансовой, бытовой, эмоциональной ловушке.

Обед.

Я не пошла в столовую — сэкономила. Заварила свой пакетик «3 в 1» кипятком из кулера и села за компьютер в ор-

динаторской, пока никого не было.

Открыла сайт с вакансиями.

«Массажист в спа-салон. Зарплата от 80 000 руб.».

«Реабилитолог в частную клинику. Опыт от 3 лет. Высокий доход».

В душе зародилась робкая надежда.. У меня стаж пятнадцать лет. У меня руки, которые чувствуют каждый зажим. Я ставила на ноги безнадежных. Неужели я не найду подработку?

Я набрала первый номер. Салон красоты «Лотос». Премиум-класс.

— Добрый день, — прошептала администратор. — Слушаю вас.

— Здравствуйте, я по вакансии массажиста. Меня зовут Есения, мне сорок один год, опыт работы пятнадцать лет, высшее медицинское...

— Извините, — перебила меня девица, и тон её стал ледяным. — У нас возрастной ценз. Мы рассматриваем кандидатов до тридцати пяти. Концепция салона — «молодость и энергия».

— Но у меня огромный опыт! Я владею техниками...

— Нашим клиентам важна эстетика. До свидания.
Гудки.

Я смотрела на телефон, как на ядовитую змею. Эстетика?
То есть я — не эстетична? Старая?

Второй звонок. Элитный фитнес-клуб.

— Приходите на собеседование, — бодро сказал менеджер.

Я отпросилась на час (благо, Зинаида Петровна отпустила, видя мое состояние) и помчалась туда.

Клуб сверкал хромом и стеклом. Девушки на ресепшене выглядели как модели с обложки — идеальная кожа, униформа в обтяжку.

Ко мне вышла управляющая — ухоженная дама моих лет, но выглядящая на десять лет моложе благодаря ботоксу и филлерам.

Она окинула меня взглядом с головы до ног. Задержалась на моих стоптанных сапогах (я попыталась спрятать ноги под стул), на руках без маникюра.

— Покажите руки, — сухо скомандовала она.

Я протянула ладони. Чистые, сильные, с короткими ногтями (массажисту нельзя иметь длину). Кожа на костяшках чуть огрубела от постоянной работы.

— Нет, — она поморщилась. — Слишком... медицинские.

— Что, простите? — я не поверила ушам.

— У вас руки врача, милочка. Жесткие, рабочие. А у нас тут релакс. Наши клиенты хотят нежности, расслабления. Им нужны феи, а не костоправы. К тому же... — она понизила голос, — вы выглядите уставшей. У нас тут территория успеха. Клиент не должен видеть в глазах мастера бытовую тоску. Вы нам не подходите.

Я вышла из клуба, чувствуя себя оплеванной.

«Бытовая тоска». «Медицинские руки».

Макар был прав. Я пахну лекарствами. Я — функция. Я устаревший механизм, который не вписывается в этот блестящий мир «молодости и успеха».

Вечером пошел мокрый снег. Крупные, тяжелые хлопья падали в грязь и тут же таяли, превращая тротуары в месиво.

Я не поехала домой. Не могла. Мысль о пустой квартире, где на каждой вещи лежит тень Макара, была невыносима.

Я забрела в парк недалеко от больницы. Села на мокрую

скамейку, не чувствуя холода. В руках я сжимала стаканчик с остывшим кофе из автомата — потратила последние пятьдесят рублей, чтобы просто согреть ладони.

Я сидела и смотрела, как ветер качает голые ветки деревьев.

Что мне делать?

Денег нет. Работы, которая могла бы меня прокормить и оплатить суд, нет. Я одна.

Внутри разливалась черная, липкая паника. Хотелось сжаться в комок, закрыть глаза и исчезнуть. Просто выключиться, как перегоревшая лампочка.

— Еська? Ты, что ли?

Громкий, жизнерадостный голос разорвал мой кокон отчаяния.

Я подняла голову.

Передо мной стояла Анфиса. Моя институтская подруга, с которой мы не виделись полгода.

Анфиса была ярким пятном в этой серой хтони. Ярко-желтый пуховик, вязаная шапка с огромным помпоном, алая помада. В одной руке она держала поводок, на котором

скакал жизнерадостный джек-рассел, в другой — надкушенный чебурек, от которого шел пар.

— Анфиса? — прохрипела я.

— Мать честная! — Анфиса плюхнулась рядом, не заботясь о чистоте скамейки. — Ты чего тут сидишь, как сирота казанская? Вид у тебя, подружка, — краше в гроб кладут, да и то по благу.

Она откусила огромный кусок чебурека, и запах жареного мяса и масла ударил мне в нос. Желудок предательски заурчал.

— Ешь, — она сунула мне промасленный пакет. — У меня второй есть. Да бери ты, не ломайся!

Я взяла чебурек. Горячий, жирный. Впилась в него зубами, едва не плача от благодарности.

Анфиса молча наблюдала, как я уничтожаю еду. Собака положила лапы мне на колени, требуя долю, но подружка цыкнула на пса.

— А теперь рассказывай, — скомандовала она, когда я проглотила последний кусок. — Кто умер? Или Макар твой опять грыжу нажил?

При упоминании имени мужа меня прорвало.

Я рассказала всё.

Про юбилей. Про чемодан. Про кофемашину. Про Адели-

ну и её двадцать четыре года. Про заблокированную карту и чек на браслет. Про то, как меня отшили в салонах.

Я говорила, глотая слезы и слова, размазывая тушь по щекам. Анфиса слушала, не перебивая, только её лицо становилось всё серьезнее, а челюсти сжимались.

— Вот же козел... — выдохнула она наконец, когда я замолчала. — Нет, Еся, это не козел. Это... это биомусор. Паразит. Ты его выкормила, выходила, а он... Ух, дала бы я ему промеж глаз!

— Мне не нужна месть, Анфиса, — я вытерла нос рукавом пуховика. — Мне нужна работа. Деньги нужны. Он грозитя квартиру делить, мне адвокат нужен. А у меня в кармане — дырка от бублика. В салоны меня не берут, старая я для них.

Анфиса задумчиво пожевала губу, глядя на своего пса, который пытался поймать снежинку.

— Слушай, — вдруг сказала она, поворачиваясь ко мне всем корпусом. — А ведь это судьба.

— Что судьба?

— У нас в «Фениксе» ЧП. Прямо катастрофа.

Анфиса работала администратором в частном загородном санатории «Феникс». Это было элитное место для очень богатых людей, куда простым смертным вход заказан. Я знала об этом только по её рассказам о чаевых и капризах олигархов.

— Какое ЧП? — вяло спросила я.

— Давид, наш главврач, ищет смертника. Ну, в смысле,

специалиста, у которого нервы как канаты, а руки золотые. Как у тебя.

— Анфиса, меня не возьмут в «Феникс». Там же кастинг, как в Голливуд. Молодость, эстетика...

— Да плевать там на эстетику! — перебила она. — Там нужен человек, который выживет. Ситуация такая: у Давида есть друг. Сослуживец бывший, они вроде в горячих точках вместе были или в девяностые... короче, история мутная. Зовут Стефан.

— И?

— И этот Стефан сейчас у нас. Но не в корпусе. Давид поселил его в старом домике лесника, на отшибе территории.

— Почему в домике лесника? — удивилась я. — Денег на люкс не хватило?

— Именно, — кивнула Анфиса. — Этот Стефан — нищий, как церковная мышь. Контуженный на всю голову, характер — дрянь. Живет там из милости Давида, тот его приютил по старой дружбе, лечит бесплатно. Но мужик тяжелый. Реально зверь. У него боли дикие, спина, нога, плюс голова... ну, ты понимаешь. Он всех посылает матом, кидается вещами. От него уже три медсестры сбежали. Последняя — через два часа, в истерике.

Я вздохнула.

— И ты предлагаешь мне идти к буйному нищему паци-

енту? Анфиса, я и так на дне.

— Еся, включи мозг! — Анфиса схватила меня за плечи. — Давид платит за этого Стефана из своего кармана. И платит щедро, потому что никто к нему идти не хочет! Там двойная ставка, плюс проживание, плюс питание — шведский стол, как для гостей! Ты сможешь жить там, сэкономишь на продуктах и коммуналке. А зарплата... Еся, за неделю получишь столько, сколько в своей богадельне за месяц не видишь!

Двойная ставка. Проживание. Питание.

Слова звучали как музыка.

Это решало все мои проблемы. Я смогу нанять юриста. Я не умру с голоду. Я не буду видеть стены своей квартиры, где всё напоминает о Макаре.

— А что с ним делать надо? С этим Стефаном? — осторожно спросила я.

— Стандарт. Массаж, ЛФК, уколы, таблетки по часам. Ну и быт... прибраться там, еду принести из столовой. Он же сам еле ходит. Но главное — терпеть. Он хамит, рычит, гонит всех. Тебе нужно просто делать свое дело и не принимать близко к сердцу. А у тебя, подруга, броня сейчас такая, что тебя танком не прошибешь. Ты Макара пять лет на себе тащила. Что тебе какой-то контуженный вояка?

Я посмотрела на свои руки. Те самые «медицинские» ру-

ки, которые забраковали в салоне.

Может, это и есть мое призвание? Лечить тех, кто никому не нужен? Вытаскивать из тьмы тех, кто сам себя там запер?

Да и выбора у меня, по сути, не было.

— Он опасный? — спросила я.

— Да нет, — отмахнулась Анфиса. — Орет громко, а так... Он скорее несчастный. Одинокий волк, зализывающий раны. Давид говорит, он жизнь ему спас когда-то, вот теперь долг отдает.

Я допила холодный, противный кофе. Сжала бумажный стаканчик в руке, превращая его в комок.

Терять мне нечего. Ниже падать некуда.

— Звони Давиду, — сказала я твердо, поднимаясь со скамейки. — Я берусь. Когда выезжать?

Анфиса расплылась в широкой улыбке и полезла в карман за телефоном:

— Завтра утром, подруга. Собирай чемодан. Добро пожаловать в ад... то есть, в «Феникс»!

Ветер швырнул мне в лицо горсть мокрого снега, но я даже не поморщилась. Впервые за эти сутки у меня появилась цель. Выжить. Заработать. И доказать всем — Макару, фифам из салонов, самой себе, — что меня рано списывать в

утиль. Я еще повоюю.

Глава 5

Служебный «ПАЗик» трясло так, словно мы ехали не по асфальту, а по стиральной доске. Окна дребезжали в такт мотору, а в салоне стойко пахло бензином и чьим-то вчерашним перегаром. Я сидела у окна, прижимая к груди сумку с нехитрым скарбом, и смотрела, как серые панельки окраин сменяются корабельными соснами.

Мы выехали за черту города, в «Зеленый пояс» — район, где сотка земли стоила больше, чем вся моя жизнь вместе с почкой и квартирой, которую Макар грозился отобрать.

Автобус чихнул в последний раз и замер перед огромными коваными воротами. Золотые вензеля сплетались в причудливую птицу, расправившую крылья. «Феникс».

Охранник на КПП, одетый в форму, которая выглядела дороже моего пуховика, брезгливо сморщился, проверяя мой паспорт.

— Лукьянова? — переспросил он, сверяясь со списком на планшете. — Проходи. Анфиса ждет у административного.

Я вышла из автобуса, и мои несчастные сапоги тут же утонули в идеально вычищенной, но все же влажной брусчатке. Мимо, едва слышно шурша шинами, проплыл черный тонированный «Бентли». Стекло было опущено, и я успела заметить ухоженную женщину в мехах, которая скользнула по

мне равнодушным взглядом, как по пустому месту.

Я инстинктивно втянула голову в плечи. Здесь, среди кричащей роскоши, моя бедность ощущалась особенно остро. Я была чужеродным элементом, грязным пятном на стерильной картинке успеха. Заплаткой на королевской мантии.

— Еська! — Анфиса вынырнула из дверей главного корпуса.

На ней была униформа: темно-синий костюм, шейный платок, бейдж. Волосы уложены волосок к волоску. Здесь она казалась другой — собранной, деловой. Не той подружкой, что вчера жевала чебурек на лавке.

— Ну, с прибытием в наш дурдом «Ромашка», — она подмигнула, но глаза оставались серьезными. — Давай быстрее, Давид Эдуардович ждет. У него пять минут до обхода випов.

Мы вошли в главный корпус.

В нос ударил запах денег. Это был особый аромат: смесь дорогого кофе, натуральной кожи, каких-то изысканных интерьерных духов и полной, абсолютной тишины. Здесь не пахло хлоркой и страхом, как в моей больнице. Здесь даже воздух казался платным.

Полы были выложены мрамором такого оттенка, что мне было страшно наступать на них своими хлюпающими сапогами. Огромная люстра под потолком сверкала тысячей хрустальных слез. В кадках стояли пальмы, листья которых блестели, будто их полировали вручную.

— Сменку надела бы, — шепнула Анфиса, косясь на мои ноги, оставляющие влажные следы.

— У меня нет, — тихо ответила я, чувствуя, как горят уши. — В сумке только тапочки для работы.

Мы поднялись на лифте с зеркальными стенами на третий этаж.

Кабинет главврача напоминал библиотеку английского лорда. Дубовые панели, кожаные диваны, шкафы с книгами.

За массивным столом сидел мужчина лет пятидесяти. Давид Эдуардович выглядел как профессор из кино: благородная седина, очки в тонкой оправе, уставший, внимательный взгляд умных глаз.

— Есения Павловна? — он встал мне навстречу. Рукопожатие у него было сухим и крепким. — Рад, что вы согласились. Анфиса о вас чудеса рассказывала. Говорит, мужа с того света вытащили.

— Вытащила, — кивнула я, стараясь не вспоминать, чем муж оплатил за это спасение. — Только чудес не бывает, Давид Эдуардович. Бывает адский труд и грамотная реабилитация.

Он усмехнулся, и в уголках его глаз собрались лучики морщин.

— Вот это мне и нужно. Труд. Без сантиментов.

Он жестом пригласил меня сесть. Сам опустился в кресло, снял очки и потер переносицу.

— Давайте сразу к делу. Пациент — Стефан Баженов. Сорок шесть лет. Мой... скажем так, старый товарищ. Вместе лямку тянули в свое время. Жизнь его потрепала изрядно. Контузия, множественные переломы в анамнезе, сейчас — посттравматический синдром, проблемы с опорно-двигательным, плюс... — он замялся, подбирая слова, — глубочайшая депрессия на фоне жизненного краха.

— Он пьет? — прямо спросила я.

— Бывает. Но сейчас я его держу на сухом пайке. Проблема не в алкоголе, Есения. Проблема в голове. Он потерял всё. Бизнес, семью, здоровье. Живет у меня из милости, я выделил ему старый флигель в парке, чтобы не смущать... кхм... основной контингент. Денег у него нет ни копейки, характер скверный. Он ненавидит, когда его жалеют, и еще больше ненавидит врачей.

Я кивнула. Классическая картина: сломленный мужчина, который видит в помощи подтверждение своей слабости. Макар был таким же первые полгода. Рычал, кусался, швырял тарелки. Я знаю, как с этим работать.

— Ваша задача — поставить его на ноги. Массаж, ЛФК, контроль приема препаратов. Я хочу, чтобы он начал ходить без трости и перестал выть на луну. Справитесь?

— Я посмотрю карту и снимы, тогда скажу точно. Но если

мышцы живые — заставлю работать.

Давид открыл ящик стола и достал пухлый белый конверт.

Он положил его на полированную столешницу и придвинул ко мне.

— Это аванс. За неделю. Плюс «подъемные» за сложность. Я плачу из своего кармана, так что официально вы оформлены как консультант, но отчитываетесь только мне.

Я посмотрела на конверт. Он был плотным, тяжелым.

Моя рука невольно дрогнула, когда я потянулась к нему. Внутри меня все сжалось от унижения — брать деньги вот так, налом, в кабинете... Но потом я вспомнила пустой холодильник. Вспомнила чек на браслет любовницы. Вспомнила унижение на кассе.

Я накрыла конверт ладонью.

— Спасибо, — голос прозвучал хрипло.

— Это вам спасибо, если выдержите, — Давид вздохнул.
— Предыдущая сиделка сбежала через два часа, обвинив его в домогательствах. Хотя он просто пытался вытолкать её за дверь. Есения, я прошу вас об одном: не принимайте его слова на свой счет. В нём говорит боль. И... не верьте, если он скажет, что я хочу его отравить. Это паранойя.

— Я поняла. Когда приступать?

— Прямо сейчас. Анфиса проводит.

Я сунула конверт во внутренний карман пуховика. Он грел мне грудь лучше любой грелки. Там, внутри, была моя свобода. Мой адвокат. Мои новые сапоги. Моя возможность не просить милостыню у бывшего мужа.

Мы вышли на улицу.

Ветер стих, но небо висело низким свинцовым одеялом.

Анфиса повела меня в обход главного корпуса. Мы шли по идеально расчищенным дорожкам, посыпанным гранитной крошкой.

Территория санатория поражала. Даже сейчас, поздней осенью, здесь чувствовался размах.

Скульптуры, укутанные в защитные чехлы, напоминали призраков. Фонтаны спали под деревянными щитами. Ландшафтный дизайн — каждый куст подстрижен, каждое дерево на своем месте.

Мимо прошла пара: пожилой мужчина в кашемировом пальто и молодая девушка с собачкой. Они говорили на французском.

Я крепче прижала локоть к боку, чувствуя плотность конверта. Я здесь прислуга. Тень. Мое дело — мять чужие спины, чтобы эти люди могли и дальше наслаждаться жизнью.

— Нам туда, — махнула рукой Анфиса.

Дорожка резко сменила характер. Гранитная крошка исчезла, уступив место старому, потрескавшемуся асфальту, а потом и вовсе — грунтовке, присыпанной мокрой листвой.

Ухоженный парк закончился. Начался лес. Настоящий, густой, с поваленными ветками и разлапистыми елями, которые закрывали небо.

— Это старая часть усадьбы, — пояснила Анфиса, перепрыгивая через лужу. — Давид хочет тут реконструкцию делать, спа-деревню строить, но пока руки не доходят. Дичь, короче.

Мы шли минут десять. Мои ноги промокли окончательно, холод пробирался под куртку.

Наконец, деревья расступились.

На небольшой поляне, окруженной стеной леса, стоял дом.

Хотя «дом» — это громко сказано. Это был сруб. Темный, почерневший от времени, приземистый, похожий на избушку Бабы-Яги, только без курьих ножек.

Крыльцо покосилось. Окна были плотно зашторены, словно дом ослеп. На крыше лежал толстый слой хвои и мха.

Он выглядел заброшенным. Мертвым.

— Вот, — Анфиса остановилась метрах в двадцати, словно перед границей радиоактивной зоны. — Дальше сама.

— Ты шутишь? — я уставилась на лачугу. — Здесь живут люди?

— Ну, Стефан живет. Давид говорит, ему так спокойнее. Тишина, природа. А по мне — так волком взвоешь. Там внутри, кстати, отопление есть, котел стоит, так что не замерзнешь. Свет, вода — всё подведено. Но... атмосферка та еще.

Анфиса передернула плечами.

— Ладно, Есь. Я побежала, у меня заезд через полчаса. Телефон мой знаешь, если он начнет буянить — звони охране, парни прибегут. Но лучше... найди подход. Тебе деньги нужны.

Она развернулась и быстро, почти бегом, направилась обратно к цивилизации, сверкая пятками своих модных ботинок.

Я осталась одна.

Ветер зашумел в верхушках сосен. Где-то каркнула ворона.

Домик смотрел на меня темными провалами окон.

Мне стало страшно. По-настоящему, по-детски страшно.

Хотелось бросить сумку и бежать за Анфисой.

Но я сунула руку в карман. Пальцы нащупали бумагу конверта.

«Восемьдесят тысяч. Аванс. Еще столько же — через неделю».

Макар забрал у меня всё. Этот Стефан — мой единственный шанс не сдохнуть под забором.

Я выдохнула облачко пара, поправила лямку сумки и шагнула к крыльцу.

Ступени скрипели жалобно и протяжно, словно предупреждая: «Не ходи, дура». Перила были влажными и склизкими от мха.

Дверь — тяжелая, дубовая, с кованой ручкой — была не заперта. Да и от кого запираяться в этой глуши? Кому придет в голову грабить нищего инвалида?

Я толкнула дверь. Она поддалась с тяжелым, натужным стоном петель.

В нос ударил запах.

Это был не запах бедности, который я ощущала в своей квартире вчера. Это был запах берлоги.

Тяжелый, густой дух застарелого табака, немытого мужского тела, какой-то затхлости и... лекарств. Корвалол, спирт, мазь Вишневского. И еще — холод. Сырой, пробирающий до костей холод, словно дом вытягивал тепло из любого, кто входил внутрь.

Я шагнула через порог, оставляя дверь приоткрытой, чтобы впустить хоть немного света.

Внутри царил полумрак. Окна были завешаны плотными, пыльными портьерами.

Глаза не сразу привыкли к темноте.

Я оказалась в просторной комнате, которая служила одновременно и спальней, и гостиной. По углам клубились тени.

Пол был усеян вещами. Книги валялись раскрытыми переплетами вверх, словно подстреленные птицы. Опрокинутый стул. Какие-то тряпки, коробки. Ощущение было такое, будто здесь прошла драка или обыск.

— Есть кто живой? — мой голос прозвучал неестественно громко в этой тишине.

Тишина отозвалась шорохом в дальнем углу.

Я присмотрелась.

В глубине комнаты, у камина, в котором давно не было огня, стояло глубокое кресло с высокой спинкой. В нем си-

дел человек.

Вернее, не сидел. Он полулежал, вытянув одну ногу на пуфик.

Стефан.

Даже в полумраке я поняла, что Анфиса не преувеличивала, называя его зверем.

Он был огромен. Широкие, мощные плечи обтягивала растянутая, когда-то черная футболка (или тельняшка, не разберешь). Он сидел ссутулившись, словно гора, готовая обрушиться.

Лицо скрывала густая, клочковатая борода с проседью. Волосы, давно не видевшие ножниц, падали на лоб.

Он не пошевелился при звуке моего голоса. Только его рука, лежащая на подлокотнике кресла, сжалась в кулак. Рядом с креслом, прислоненная к стене, стояла массивная деревянная трость с набалдашником.

Я почувствовала, как внутри всё натягивается, как струна. Инстинкт самосохранения вопил: «Уходи!». Но профессиональный долг (и конверт в кармане) включились автоматически. Я расправила плечи, нацепила на лицо ту самую маску «спокойного врача», с которой входила в палаты к самым буйным.

— Доброе утро, — сказала я четко, стараясь, чтобы голос

не дрожал. — Меня зовут Есения Павловна. Я ваш реабилитолог.

Тишина.

Он даже голову не повернул. Сидел неподвижно, как изваяние.

— Давид Эдуардович прислал меня осмотреть вас и составить план лечения. Мне нужно измерить вам давление и посмотреть снимки.

Стефан медленно, очень медленно повернул голову в мою сторону.

Глаз я не видела — они тонули в тени глазниц и нависающих бровей. Но я физически ощутила его взгляд. Тяжелый. Давящий. Взгляд человека, который ненавидит всё живое, и в первую очередь — себя.

— Пошла вон, — произнес он.

Голос был под стать внешности. Хриплый, низкий, скрежещущий, как камни в бетономешалке. В нем не было крика, только глухая, свинцовая угроза.

— Я сказал Давиду, чтобы он не присылал ко мне своих куриц, — продолжил он, и каждое слово падало в тишину как булыжник. — Я не ясно выразился?

Курица.

Это слово хлестнуло. Макар называл меня клушей. Этот

— курицей.

Ну уж нет.

— Я не курица, — отчеканила я, делая шаг вперед, вглубь комнаты. — Я врач высшей категории. И я никуда не уйду, пока не сделаю свою работу. Вы можете рычать сколько угодно, Стефан... как вас по отчеству?

— Пошла. Вон.

— Андреевич? Или Сергеевич? Неважно. Здесь темно, как в склепе. Неудивительно, что у вас депрессия. Вам нужен свет.

Я решительно направилась к окну. Мои сапоги гулко стучали по деревянным половицам.

Я чувствовала спиной его ярость. Она сгущалась в воздухе, электризовала пространство.

Мне было страшно до дрожи в коленях, но я знала одно правило работы с такими пациентами: покажешь страх — они тебя сожрут. Покажешь силу — начнут уважать. Или убьют.

Я подошла к окну, ухватилась за пыльную, тяжелую ткань портьеры.

— Не смей, — прорычал он. Теперь в голосе звучала не просто угроза, а звериный рык.

— Солнечный свет стимулирует выработку серотонина,

— менторским тоном произнесла я и резко дернула штору в сторону.

Кольца с визгом проехали по карнизу.

Серый, скудный дневной свет ворвался в комнату, высвечивая кружащуюся в воздухе пыль, грязный пол, пустые бутылки из-под минералки... и его лицо.

Лицо человека, искаженное болью и бешенством.

Стефан дернулся в кресле, пытаясь встать.

Но вместо того, чтобы подняться, он схватил с тумбочки, стоящей рядом, предмет.

Это была массивная керамическая пивная кружка, тяжелая, с толстой ручкой.

Я увидела замах. Резкий, короткий, профессиональный.

Времени испугаться не было. Я просто замерла.

Вжух.

Тяжелый предмет рассек воздух с низким гулом.

Кружка пролетела через всю комнату. Не в меня.

Она врезалась в деревянный косяк окна, ровно в сантиметре от моей головы.

Бам!

Звон разбивающейся керамики оглушил.

Осколки брызнули во все стороны, как шрапнель. Острый кусок керамики оцарапал мне щеку. Другой запутался в волосах.

На стену плеснуло темное пятно — остатки холодного чая или кофе.

Я стояла, не шевелясь. Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание. Если бы я дернулась влево — этот «снаряд» раздробил бы мне висок.

В комнате повисла тишина, еще более страшная, чем раньше.

Стефан тяжело дышал. Он полупривстал в кресле, опираясь на здоровую руку, его лицо побагровело. Вены на шее вздулись. Видно было, что каждое движение причиняет ему адскую боль, но ярость была сильнее боли.

— Ты глухая?! — заорал он так, что, казалось, с потолка посыплется штукатурка. — Я сказал — пошли все вон! Убирайся отсюда, пока я тебя не пришиб!

Я медленно подняла руку и коснулась щеки. На пальцах осталась капелька крови.

Посмотрела на кровь. Потом перевела взгляд на него.

Странно, но страх исчез. Вместо него пришла холодная, злая ясность. Та самая, с которой я выносила утки за Макаром, когда он материл меня от боли.

Этот мужик не хотел меня убить. Если бы хотел — попал бы. Он бывший военный, снайпер или кто там... Он просто пугал. Проверял границы.

Ну что ж. Проверил.

Я медленно отряхнула осколки с плеч. Смахнула керамическую крошку с волос.

И посмотрела ему прямо в глаза — глубоко посаженные, темные, горящие ненавистью глаза раненого зверя.

— Мимо, — спокойно сказала я. — Прицел сбит, Стефан Андреевич. Будем лечить.

И, не давая ему опомниться, я нагнулась, подняла с пола самый крупный осколок кружки и демонстративно положила его на стол.

— А посуду бить — это к счастью. Раздевайтесь. Давление мерить буду.

Глава 6

В комнате повисла тишина, но она не была пустой. Она была наэлектризована, гудела, как высоковольтные провода перед коротким замыканием. Где-то у плинтуса еще подрагивал последний осколок разбитой кружки, издавая еле слышный звон.

Я смотрела на этот осколок. Белая керамика с острым, как бритва, краем. Если бы он пролетел на пять сантиметров левее, Давиду пришлось бы искать не нового реабилитолога, а следователя.

Стефан в кресле тяжело дышал. Его грудная клетка ходила ходуном под грязной, растянутой футболкой. Он ждал. Ждал визга, слез, топота убегающих ног — всего того, чем обычно заканчивались его «представления» для персонала. Он был уверен, что победил.

Я медленно выдохнула, разжимая кулаки. Страх, ледяной и липкий, все еще сидел где-то под ложечкой, но поверх него плотным слоем легло другое чувство. Усталость. Бесконечная, свинцовая усталость женщины, у которой в кармане лежит последний шанс на выживание, и она не собирается его упускать из-за какого-то бородатого психопата.

— Веник где? — спросила я. Голос прозвучал буднично, даже скучно.

Стефан моргнул. Из-под нависших бровей на меня смот-

рели глаза человека, у которого только что сломался шаблон.

— Чего? — буркнул он. Рык исчез, сменившись недоумением.

— Веник, — повторила я, оглядываясь по сторонам. — Или щетка. Совок. Руками я это собирать не буду, мне пальцы для работы нужны. А вы, я смотрю, любитель швыряться казенным имуществом. Давид Эдуардович потом из вашей пенсии вычтет.

— У меня нет пенсии, — огрызнулся он, но как-то неуверенно.

Я заметила в углу, за кучей старых газет, прислоненную к стене швабру и совок. Подошла, взяла инвентарь.

Стефан следил за каждым моим движением, как настороженный пес, который не понимает: его сейчас ударят палкой или дадут кость.

Я начала сметать осколки. Шорк-шорк. Звук щетки по деревянному полу действовал успокаивающе. Я намеренно делала это медленно, демонстративно игнорируя нависающую тушу в кресле.

— Ты бессмертная, что ли? — наконец спросил он. В голосе прорезалось любопытство, смешанное с раздражением. — Я в тебя кружкой кинул. Тяжелой. Мог голову проломить.

Я выпрямилась, держа в руках совок с грудой керамического крошева. Посмотрела на него прямо.

— Вы не промахнулись, Стефан. Вы бывший военный, су-

дя по выправке и лексикону. Если бы хотели попасть — попали бы. Вы пугали.

— А ты, значит, не пугливая? — он криво усмехнулся, обнажая желтоватые от табака зубы. — Или просто дура?

— Я бедная, — просто ответила я. — А бедность, знаете ли, сильно притупляет инстинкт самосохранения. Страх — это привилегия сытых. У меня этой привилегии нет.

Он замолчал, переваривая услышанное. Видимо, ожидал проповеди о врачебном долге или гуманизме, а получил суровую бухгалтерию.

Я высыпала осколки в мусорное ведро, которое было забито доверху пустыми пачками из-под сигарет и упаковками от лапши быстрого приготовления.

Поставила совок на место. Отряхнула руки.

— Ноги поднимите, — скомандовала я, кивнув на его вытянутые конечности. — Там еще пара кусков под кресло залетела. Наступите — порежетесь, а мне потом швы накладывать. Лишняя работа.

Он хмыкнул, но, к моему удивлению, послушался. Подтянул ноги к себе, поморщившись от боли в колене. Я быстро вымела остатки мусора.

— Теперь второй пункт программы, — я решительно направилась к окну.

В комнате стоял такой спертый дух, что его можно было резать ножом. Смесь старого пота, пыли и той особенной го-

речи, которой пахнут люди, давно махнувшие на себя рукой. Этим запахом пропитались шторы, ковер, обивка кресла.

Макар был прав в одном: запах имеет значение. Запах болезни убивает желание жить. И сейчас моя задача была выветрить эту смерть отсюда.

Я ухватилась за тяжелую, бархатную портьеру. Ткань была неприятной на ощупь, соляной от пыли.

Резкий рывок.

Кольца противно взвизгнули по металлическому карнизу.

— Эй! — рывкнул Стефан, закрывая лицо локтем, как вампир, увидевший рассвет. — Оставь тряпку! Свет глаза режет!

— Потерпите, — отрезала я. — Глаза не лопнут.

В комнату ворвался день. Серый, ноябрьский, скудный, но после полумрака склепа он казался прожектором. Пыль, потревоженная моим вторжением, затанцевала в столбах света миллионами микроскопических песчинок.

Я потянулась к шпингалетам. Старые, закрашенные в десять слоев краски, они не поддавались. Пришлось навалиться всем телом, ударить ладонью по ручке.

Рама со скрипом подалась.

Порыв ледяного ветра ударил в лицо, заставив меня зажмуриться от удовольствия. Воздух пах мокрой хвоей, прелой листвой и снегом. Чистотой.

Свежесть ворвалась в душную берлогу, разгоня застоявшуюся вонь.

Стефан в своем кресле поежился, натягивая растянутый ворот футболки на уши.

Теперь, при свете дня, я могла рассмотреть его по-настоящему. И зрелище было печальным.

Он был похож на заброшенный памятник. Мощный, монументальный, но покрытый мхом и трещинами.

Волосы, когда-то густые и темные, теперь висели сальными патлами, густо припорошенные сединой. Борода росла клоками, скрывая подбородок и щеки. Под глазами залегли темные, почти черные круги — свидетели хронической бессонницы.

Кожа имела нездоровый, землистый оттенок.

Но под всей этой запущенностью угадывалась порода. Широкие кости, тяжелые кулаки, разворот плеч. Это был не рыхлый старик, а мощный механизм, который заржавел без

смазки и движения.

И еще я увидела его взгляд.

Теперь, когда он не мог спрятаться в тени, в его глазах я прочитала не только злобу. Там была боль. Дикая, выматывающая, постоянная боль, от которой хочется лезть на стену. И стыд за эту боль.

Он ненавидел меня не за то, что я пришла. А за то, что я видела его таким.

— Закрой окно, дура! — прорычал он, стуча зубами. — Выстудишь хату! Я и так мерзну!

— Проветривание — пять минут. Это медицинский протокол. Замерзли — двигайтесь. Кровь быстрее побежит.

Я достала из сумки тонометр. Обычный, механический, с грушей — я не доверяла электронике, она часто врала на аритмии.

— Итак, Стефан... Андреевич?

— Для тебя — Господин, — огрызнулся он, глядя на меня исподлобья.

— Обойдетесь, — парировала я, подходя к креслу. — Футболку снимайте.

— Чего?

— Футболку, говорю, снимайте. Или тельняшку, что это у вас... Мне нужно осмотреть спину, грудную клетку и проверить состояние кожных покровов. Давид сказал, у вас про-

блемы с позвоночником.

Он не пошевелился. Только смерил меня взглядом — медленным, липким, оценивающим. Он прошелся по моим ногам в старых джинсах, задержался на груди, скрытой под свитером, и уставился в лицо.

Этот взгляд был неприятен. Он раздевал. Но не с желанием, а с целью найти уязвимое место, ударить побольнее.

— А ты ничего так, сохранилась, — протянул он с кривой ухмылкой. Голос стал вкрадчивым, ядовитым. — Для сорокета-то. Где тебя Давид откопал? На трассе скидки были? Или муж из дома выгнал, потому что старая стала, а на молодую не стоит?

Удар достиг цели.

Внутри меня всё сжалось в тугой, горячий узел. Кровь отхлынула от лица.

Откуда он знает?

Конечно, он не знает. Он просто бьет наугад, как опытный садист, тычет палкой в темноту, надеясь попасть в нерв. И попал. Прямо в открытую рану, которую оставил Макар своим «ты пахнешь борщом».

Мне захотелось ударить его. Или разрыдаться и убежать, как те три медсестры до меня.

Он ждал именно этого. Он смотрел с вызовом, готовый насладиться моей истерикой.

Я сделала глубокий вдох. Втянула носом морозный воздух из окна.

«Я на работе, Есения. Это не мужчина. Это пациент. Говорящий кусок мяса с набором диагнозов. У него говорит не характер, а боль и интоксикация».

Я шагнула к нему вплотную, нависая сверху. Мое лицо стало каменным.

— Языком чесать будете с друзьями за пивом. Если они у вас остались, конечно, — произнесла я ледяным тоном, копируя интонации Зинаиды Петровны. — А здесь у нас анамнез и осмотр. Футболку. Снял. Быстро.

Он опешил. Мой тон, лишенный эмоций, сбил его с толку. Он ожидал оправданий или слез, а получил армейскую команду.

Он засопел, сверля меня взглядом, но потом вдруг дернул плечом.

— Ну смотри, раз такая любопытная. Только в обморок не падай, нашатыря нет.

Он начал стягивать футболку. Это давалось ему нелегко. Я видела, как напрягаются мышцы шеи, как он морщится,

поднимая руки. Левое плечо явно было ограничено в движении.

Он стянул грязную ткань через голову и бросил её на пол. Я не упала в обморок. Я врач. Я видела вещи и похуже.

Но картина впечатляла.

Его торс был похож на карту боевых действий.

Через всю грудь, от ключицы до ребер, шел уродливый, келоидный шрам — след от старого ожога или осколочного ранения. На левом плече — круглая, втянутая отметина, похожая на пулевое.

Но страшнее шрамов было состояние мышц.

Он был мощным, но это была застывшая, каменная мощь.

Даже на глаз было видно, что трапецевидные мышцы находятся в чудовищном гипертонусе. Они были вздуты, как канаты. Грудная клетка зажата. Он дышал поверхностно, не используя диафрагму, потому что глубокий вдох, видимо, причинял боль.

— Повернитесь, — скомандовала я, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало сочувствие. Ему не нужна моя жалость. Ему нужны мои руки.

Он с кряхтением развернулся в кресле, подставляя мне спину.

Здесь картина была еще печальнее. Вдоль позвоночника тянулся тонкий белесый шрам — следы операции. Мышцы спины были твердыми, как дерево.

Я потерла ладони друг о друга, согревая их, и положила руки ему на плечи.

Он вздрогнул. Резко, всем телом, словно я коснулась его раскаленным утюгом. Кожа под моими пальцами была горячей, сухой и напряженной.

— Расслабьтесь, — тихо сказала я, начиная медленно, прощупывающими движениями спускаться вдоль позвоночного столба.

— Легко сказать, — прохрипел он.

Под пальцами перекачивались желваки спазмированных мышц. Здесь был не просто остеохондроз. Здесь был панцирь, в который он сам себя заковал, пытаясь защититься от внешнего мира и собственной боли.

Я нащупала уплотнение под правой лопаткой. Триггерная точка. Эпицентр.

Если нажать сюда — боль отдаст в руку и шею. Но мне нужно было понять степень запущенности.

— Вдохните, — попросила я.

И слегка надавила большим пальцем на узел.
Реакция была мгновенной и звериной.

Стефана прострелило током. Он зарычал, резко разворачиваясь всем корпусом. Его здоровая правая рука метнулась быстрее кобры.

Он перехватил мое запястье.

Его ладонь была огромной, жесткой, как наждак. Пальцы сжались на моей руке стальным капканчиком, сдавливая кости до хруста.

— Больно, сука! — выдохнул он мне в лицо, брызгая слюной. Глаза налились кровью. — Убрала свои культяпки! Я тебе сейчас пальцы переломаяю!

Он не шутил. Он был в состоянии аффекта от боли и ярости. Еще секунда — и он действительно хрустнет моим запястьем, просто рефлекторно сжимая кулак.

Я не стала вырываться. Тягаться с ним в силе было бы глупостью — даже в таком состоянии он был сильнее меня в три раза.

Я использовала то, чему меня научили годы работы с буйными пациентами в травматологии. И немного айкидо, на

которое я ходила в молодости.

Я не потянула руку назад. Наоборот, я сделала шаг к нему, расслабляя кисть, и резко надавила большим пальцем свободной руки на точку на внутренней стороне его локтя — там, где проходит локтевой нерв.

Это неприятно. Это очень неприятно. Рука немеет, пальцы разжимаются сами собой.

Стефан охнул, его хватка ослабла на долю секунды.

Этого хватило. Я выкрутила кисть винтовым движением в сторону его большого пальца — против естественного сгиба.

Освободилась.

Но не отскочила.

Я наклонилась к нему так близко, что наши носы почти соприкоснулись. Я видела каждую пору на его лице, каждую красную прожилку в его бешеных глазах.

— Слушай меня внимательно, герой, — произнесла я тихо, но так, чтобы у него мурашки по коже побежали. Мой голос вибрировал от адреналина. — Руки распускать будем в другом месте. А здесь — лечебное учреждение.

Он смотрел на меня, тяжело дыша, потирая онемевший локоть. В его взгляде удивление боролось с яростью.

— Ты мне чуть руку не сломала, ведьма, — прошипел он.

— Я вам жизнь спасаю, идиот, — так же тихо ответила я.
— Еще раз схватите меня — я не буду выкручивать руки. Я просто вколю вам двойную дозу миорелаксанта. Знаете, что это такое?

Он молчал, глядя исподлобья.

— Это когда ваши мышцы превращаются в кисель. Вы будете всё видеть, всё слышать и всё понимать. Но не сможете пошевелить даже пальцем. Будете лежать сутки и пускать слюни в подушку, как овощ. А я буду сидеть рядом и читать вам вслух женские романы. Вы этого хотите?

Я блефовала. Никакой врач не имеет права делать такое без показаний. Но Стефан этого не знал. Или знал, но в моих глазах он увидел такую решимость, что поверил.

Он помнил беспомощность. Он боялся её больше смерти. Я нажала на самую болезненную точку, куда больнее, чем триггер под лопаткой.

Тишина в комнате стала вязкой. Ветер за окном стих, словно тоже прислушивался к нашему поединку.

Стефан медленно опустил руку. Его плечи чуть опустились, напряжение в позе сменилось настороженностью. Взгляд перестал быть безумным. В нем появилось что-то новое. Оценка. Уважение хищника к другому хищнику, который неожиданно показал зубы.

— А ты стерва, — сказал он. И в этом слове не было оскорбления. Скорее, признание факта. — Ладно. Мерь свое

давление. Только без фокусов.

— Без фокусов, — кивнула я, отступая на шаг и поправляя манжету тонометром. — Руку. Правую. И расслабьтесь, черт возьми, а то показатели будут как у космонавта на старте.

Он протянул руку.

Я обернула манжету вокруг его бицепса. Мои пальцы коснулись его кожи — горячей, грубой. Но теперь он не вздрагивал. Он сидел смирно, глядя в окно, где серые тучи цеплялись за верхушки елей.

Первый раунд остался за мной. Но я понимала: война только началась. И этот «медведь» так просто не сдастся.

Я начала накачивать грушу, слушая, как в тишине гулко бьется мое собственное сердце.

Сто сорок на девяносто.

Много.

Но жить будет.

И я буду. Назло Макару, назло безденежью и назло этому бородатому чудовищу, которое сейчас сидело передо мной, притихшее, но не сломленное.

Глава 7(Стефан)

(от лица Стефана)

Дверь за Есенией закрылась с тихим, но отчетливым щелчком. Она вышла на кухню, чтобы, кажется, набрать воды или вымыть руки после того, как возилась с моей грязной одеждой.

В комнате снова стало тихо, если не считать свиста ветра в приоткрытой форточке. Ледяной сквозняк полз по полу, облизывая мои босые ноги, но я не пошевелился, чтобы закрыть окно. Холод отрезвлял. Он вымораживал ту душную ярость, которая накрыла меня пять минут назад.

Я потерял локоть левой руки. Там, где эта ведьма нажала пальцем, до сих пор пульсировала тупая, ноющая боль. Надо же.

Я хмыкнул, глядя на свою руку. Огромная лапа, способная согнуть подкову (ну, когда-то была способна), сейчас дрожала мелкой, противной дрожью. И не от слабости, а от шока.

Она меня сделала.

Просто взяла и уложила на лопатки. Без истерик, без вызова охраны, без слез.

«Руки распускать будем в другом месте».

Я откинулся на спинку кресла, чувствуя, как привычная, родная боль в позвоночнике вгрызается в тело. Мой личный корсет из титана и зажатых нервов. Обычно эта боль заполняла всё сознание, заставляя ненавидеть весь мир. Но сейчас её перебивало другое чувство.

Удивление.

Обычно сценарий был один и тот же. Приходят фифы в белых халатах, надушенные так, что мухи дохнут на полете. Я рычу, кидаю в них подушкой или стаканом воды. Они визжат, убегают к Давиду жаловаться на «неадекватного бомжа». Давид вздыхает, платит им неустойку и ищет новых дур.

Цирк с конями. Мое единственное развлечение в этой дыре.

Но эта... Есения.

Она не побежала. Она взяла веник.

«Бедность притупляет инстинкт самосохранения».

Я фыркнул, глядя на пустой дверной проем. Интересная формулировка. Честная. Обычно мне заливали про клятву Гиппократата, про милосердие и прочую чушь, за которой стояло желание получить конверт от главврача. А эта сразу выложила карты на стол: мне нужны бабки, поэтому я буду тер-

петь твои закидоны, но не дам себя в обиду.

Уважаю.

Совсем чуть-чуть, на доньшке, но уважаю. Это был язык бизнеса, язык сделки. Ты мне — терпение, я тебе — возможность заработать.

Я огляделся. Комната изменилась.

Шторы были распахнуты, впуская серый, безрадостный свет, который безжалостно высвечивал всё убожество моего нынешнего существования. Пыль на полу, грязные пятна на обоях, горы мусора. Раньше, в полумраке, это казалось берлогой одинокого волка. Сейчас это выглядело как притон спившегося сторожа.

Мерзко.

Холодный воздух из форточки щипал кожу, но я не стал натягивать футболку обратно. Пусть. Этот холод выдувал из головы туман, который стоял там последние месяцы. Запах прелых листьев и снега перебивал запах моей собственной деградации.

Я закрыл глаза, вызывая в памяти образ моей новой мучительницы.

Я привык оценивать людей быстро. Профдеформация.

Когда у тебя сеть клиник по всей стране и штат в несколько тысяч человек, ты учишься сканировать собеседника за секунды. Обувь, часы, ногти, взгляд. Дьявол всегда в деталях. Что я увидел?

Сапоги. Дешевые, из кожзама, убитые в хлам. На левом носке — след от клея, подошва явно отходила. Она стояла в них в луже осколков, и я готов поспорить, ноги у неё были мокрые.

Джинсы — старые, потертые не по моде, а от времени. Свитер в катышках.

Руки... Руки у неё были рабочие. Короткие ногти, сухая кожа на костяшках, покрасневшая от холода и воды. Никакого маникюра, никакого гель-лака.

И палец. Безымянный палец правой руки. Там была бледная полоска незагорелой кожи. След от кольца, которое носили годами, не снимая, и сняли совсем недавно.

Пазл сложился мгновенно.

Разведенка. Или в процессе. Муж, скорее всего, ушел или выгнал, оставив без гроша. Потому и сапоги клееные, и взгляд такой... волчий. Не злой, а именно загнанный.

Она не врала про бедность. Она в отчаянии.

Давид, старый лис, знал, кого присылать. Ему нужен был кто-то, кому некуда бежать.

Я усмехнулся. Значит, она на крючке. Это меняло дело. С загнанными в угол людьми работать проще всего — они предсказуемы. Они будут глотать обиды, терпеть унижения, ползать на коленях, лишь бы не потерять источник дохода.

Скучно.

Моё мимолетное уважение начало таять. Очередная неудачница, которая пытается выжить за счет богатого дядюшки Давида (она-то думает, что платит он).

Мой взгляд скользнул по тумбочке, заваленной блистерами таблеток, которые я забывал пить.

Среди упаковок «Кеторола» и пустых кружек лежало что-то чужеродное.

Телефон.

Она забыла его, когда доставала тонометр. Видимо, положила и, отвлеченная нашей «стычкой», не забрала.

Я потянулся к аппарату.

Это был старенький «Самсунг» или «Хонор», черт их

разберет, эти бюджетные модели. Чехол потертый, с какими-то полустертыми цветочками. Экран... о, этот экран видал виды. Он был покрыт густой сеткой трещин, «паутиной», склеенной скотчем в углу, чтобы стекло не высыпалось.

У меня уборщицы в клиниках ходили с телефонами лучше.

В этот момент экран загорелся. Видимо, пришло уведомление или сработал автоповорот, когда я его взял.

Я не собирался читать. Честно. Я чту личное пространство, даже если это пространство наемной сиделки.

Но текст всплывающего пуш-уведомления от банка горел на заблокированном экране слишком ярко. Крупные черные буквы на белом фоне.

SBERBANK:

Отказ в операции: Оплата услуг связи. Сумма: 350.00 RUB. Недостаточно средств. Баланс: 12.00 RUB.

Я уставился на эти цифры.

Двенадцать рублей.

У взрослой бабы, врача высшей категории (как она гордо

заявила), на карте двенадцать рублей. Ей не хватило триста пятьдесят рублей, чтобы оплатить телефон.

Вот, значит, как.

Я положил телефон обратно на тумбочку, точно в то же положение, как он лежал.

Внутри поднялась волна странного, темного удовлетворения. Злорадства? Пожалуй.

Это было подтверждение моей теории.

Все её слова про «лечить», про «медицинский протокол», её гордая поза, её болевой прием — всё это было лишь фасадом. Декорацией.

На самом деле она — нищая. Она зависит от меня (вернее, от этого места) полностью.

Ей не просто нужны деньги. Ей нечего жрать.

— Бинго, — прошептал я в пустоту.

Это развязывало мне руки.

Значит, я могу не сдерживаться. Я могу быть собой — тем самым «чудовищем», которым меня считают. Я могу срывать на ней злость за свою сломанную спину, за потерянный биз-

нес, за предательство жены, которая обобрала меня до нитки, когда я лежал в реанимации пять лет назад.

Есения будет терпеть. У неё нет выбора. У неё на счету двенадцать рублей и дырявые сапоги.

Из коридора слышались шаги. Легкие, быстрые. Она возвращалась.

Я быстро откинулся назад, принял свою привычную позу — ссутулился, натянул на лицо маску угрюмого мизантропа. Правую руку небрежно свесил с подлокотника, левую (которую она чуть не вывернула) спрятал на животе.

Она вошла, неся поднос с графином воды и стаканом. На локте у неё висело полотенце.

Лицо спокойное, сосредоточенное. Ни следа страха. Только на щеке краснела тонкая царапина от осколка — моя метка.

— Воды принесла, — сказала она ровно, ставя поднос на стол (предварительно смахнув оттуда крошки рукавом). — Сейчас запишем таблетки, и начнем.

Она не смотрела на телефон. Она смотрела на меня. Взгляд цепкий, профессиональный. Она уже строила планы, как будет меня «чинить».

Я смотрел на неё и думал: «Ну давай, лечи меня, девочка. Строй из себя спасительницу. Я-то знаю, что ты здесь не ради клятвы Гиппократы. И не ради моих красивых глаз.

Ты здесь ради той пайки, которую тебе отсыпал Давид. Ради того, чтобы закрыть эту жалкую дыру в двенадцать рублей на балансе.

Это знание давало мне власть. Странную, извращенную, но власть. Я чувствовал себя кукловодом, который вдруг увидел ниточки, за которые дергают его марионетку.

Ты можешь строить из себя железную леди, Есения. Можешь ломать мне руки болевыми приемами. Можешь командовать парадом. Но мы оба знаем правду: ты на крючке. И я могу дергать за этот крючок, когда захочу.

— Пейте, — она протянула мне горсть разноцветных капсул на ладони. — Обезболивающее, миорелаксант, витамины.

Я посмотрел на её ладонь.

Кожа сухая, обветренная. Линии на ладони четкие, глубокие. Рабочая рука. Не та изнеженная лапка с маникюром за пять тысяч, к которым я привык в своей прошлой жизни. Рука женщины, которая знает, что такое тряпка, ведро и холодная вода.

— Я не буду пить эту дрянь на голодный желудок, — проворчал я, хотя желудок сводило спазмом (я не ел со вчерашнего вечера, назло санитаркам).

— Обед через полчаса. Анфиса принесет, — невозмути-

мо парировала она. — А пока — водный режим. Слизистая желудка потерпит, а вот спазм надо снимать сейчас. Пейте.

В её голосе звучала та самая спокойная уверенность, которая бесила меня больше всего.

Я сгреб таблетки с её ладони грубым, резким движением, намеренно задевая её пальцы своими ледяными, шершавыми пальцами.

Она не отдернула руку. Даже не моргнула. Стойкая. Или просто очень хочет получить свои деньги.

Я закинул колеса в рот, схватил графин с подноса (игнорируя стакан, который она так заботливо принесла) и начал пить прямо из горла. Вода текла по усам, по бороде, капала на грязную футболку. Я пил жадно, шумно, с хлюпаньем, специально изображая из себя неотесанное животное.

«Смотри, — думал я, косясь на нее поверх графина. — Смотри, кого тебе придется касаться. Смотри и терпи».

Она и бровью не повела. Стояла и ждала, пока я напьюсь, сложив руки на груди. Как надзиратель в зоопарке, который смотрит на кормление медведя.

Когда я с грохотом поставил графин на стол, она просто забрала пустой поднос.

— Через десять минут массаж, — сказала она, глядя на

мокрое пятно на моей груди. — Готовьте спину. Я пока масло достану.

Она отвернулась и пошла к своей сумке, стоящей на стуле у входа.

Я смотрел на её спину, обтянутую дешевым, заношенным свитером, сквозь который проступали лопатки. Она была худой. Жилистой.

«Массаж, говоришь? Ну давай. Посмотрим, кто кого разомнет».

Во мне проснулся азарт. Злой, холодный азарт игрока, который знает карты противника.

Я решил. Я не буду облегчать ей задачу. Я не буду помогать. Я буду «тяжелым» пациентом во всех смыслах. Я буду ныть. Я буду дергаться при каждом прикосновении. Я заставляю её попотеть за каждый рубль, который она надеется получить.

Я устрою ей такой ад, что эти двенадцать рублей на счету покажутся ей насмешкой судьбы.

Хочешь денег, Есения Павловна? Отрабатывай.

Я медленно, кряхтя, начал разворачиваться в кресле, устраиваясь поудобнее. Боль в спине привычно огрызнулась, но я заглушил её предвкушением.

Я улыбнулся. Криво, одними уголками губ, пряча усмешку в бороду.

Игра началась. И мне почему-то казалось, что в этой игре проигравшим буду точно не я.

Глава 8

За окном сгущались ранние ноябрьские сумерки, превращая лес вокруг домика в черную, неприветливую стену. Ветер, который днем лишь лениво шевелил верхушки сосен, к вечеру набрал силу и теперь тоскливо выл в печной трубе, царапал ветками по стеклу, словно просился внутрь погреться.

В комнате горел только один торшер с пыльным абажуром, отбрасывая на бревенчатые стены длинные, ломаные тени. Этот желтый, тусклый круг света был единственным островком уюта в царстве запустения.

Я разложила свои инструменты на небольшом столике, который предварительно протерла влажной салфеткой (привычка к стерильности не выветривалась даже в берлоге). Полотенца, спиртовые салфетки, грелка, наполненная горячей водой, которую я нагрела в старом электрическом чайнике на кухне. И, конечно, масло.

Я откупорила темный флакон из коричневого стекла. В нос ударил резкий, терпкий аромат сибирской пихты, смешанный с можжевельником и ноткой лаванды. Моя авторская смесь. Я готовила её сама, покупая качественные эфирные масла и смешивая их с базовым маслом виноградной косточки. Макар, помнится, морщил нос от этого запаха, называя его «банным», а я любила. Он пах лесом, чистотой и

спокойствием. Именно тем, чего так не хватало этому дому и его хозяину.

Стефан сидел на краю широкой деревянной кровати, которая заменяла здесь массажную кушетку. Он уже стянул футболку и теперь сидел ссутулившись, уперев локти в колени и спрятав лицо в ладонях.

Его спина в неверном свете лампы казалась картой какой-то древней, проигранной битвы. Бугры мышц, перечеркнутые белесыми шрамами, выглядели как каменные глыбы.

Запах моего масла поплыл по комнате, вступая в конфликт с ароматом старого табака.

Стефан поднял голову и шумно втянул воздух носом.

— Ты меня угробить решила, докторша? — проворчал он, но без прежней злобы, скорее устало. — Что за вонь? Будто елку в скипидаре вымочили.

— Это эфирные масла, Стефан Андреевич. Пихта снимает отек, можжевельник разгоняет лимфу, а лаванда успокаивает нервную систему. Которая у вас, судя по летающим кружкам, расшатана донельзя.

— У меня с нервами порядок, — огрызнулся он. — У меня с окружением беда. Одни идиоты и... — он осекся, бросив на меня быстрый, колющий взгляд, — и настырные бабы.

— Ложитесь, — пропустила я колкость мимо ушей. — Животом вниз. Руки вдоль тела. Полотенце под лоб я поло-

жила, чтобы шея не затекала.

Он закричал, устраиваясь на жестком матрасе. Кровать жалобно скрипнула под его весом. Он был тяжелым — килограммов сто двадцать живого веса, не меньше. Чистая мышечная масса и широкая кость, сейчас скованные болью.

Я подошла к кровати, закатывая рукава свитера до локтей. Потерла ладони друг о друга, разогревая их, пока кожа не стала горячей. Холодными руками касаться спазмированных мышц — преступление.

— Предупреждаю сразу, — глухо донеслось из подушки. — Если начнешь опять свои болевые штучки — я за себя не ручаюсь.

— Я не садистка, Стефан. Я врач. Если будете дышать, как я скажу, больно не будет.

Я вылила немного масла на ладонь, согрела его теплом тела и положила руки ему на плечи.

Он вздрогнул. Резко, всем телом, словно я прикоснулась к оголенному проводу. Мышцы под моими пальцами мгновенно стали каменными. Он ждал удара. Ждал боли. Его тело разучилось доверять прикосновениям, воспринимая любой контакт как агрессию.

— Тише, — прошептала я, начиная медленно, широкими поглаживающими движениями распределять масло по его спине. — Я не кусаюсь. Выдохните. Вы держите воздух в легких, как перед прыжком в воду. Выдыхайте.

Он с шумом выпустил воздух сквозь сжатые зубы.

Кожа у него была горячая, сухая и грубая. Под пальцами я чувствовала каждый позвонок, каждый мышечный валик.

Ситуация была запущенной. Трапеция была забита настолько, что напоминала дерево, а не живую ткань. Широчайшие мышцы спины были в таком гипертонусе, что тянули за собой плечи, заставляя его сутулиться даже лежа.

Это был панцирь. Броня, которую он нарастил, чтобы защититься от мира, но которая теперь медленно душила его самого.

Я начала работать. Сначала мягко, разогревая верхние слои. Мои пальцы скользили по маслу, вырисовывая сложные восьмерки вдоль позвоночника, не касаясь самих позвонков.

Стефан лежал напряженный, как струна. Я видела, как бегают костяшки его пальцев, вцепившихся в простыню. Он контролировал себя, готовый в любой момент дать отпор.

— Расслабьтесь, — скомандовала я тихо. — Отпустите плечи. Представьте, что они стекают вниз, как воск.

— Легко сказать, — прохрипел он. — Оно само... тянет.

— Я знаю. Сейчас отпустит.

Я перешла к более глубокому воздействию. Пальцами тут было не справиться — его мышцы были слишком массивными и жесткими. Я начала работать основанием ладони и

предплечьями, используя вес своего тела.

Это был тяжелый физический труд. Уже через пять минут я почувствовала, как по спине потекла струйка пота. Но во мне проснулся профессиональный азарт.

Я чувствовала, как под напором моих рук каменные узлы начинают неохотно, миллиметр за миллиметром, поддаваться.

Я нашла тот самый триггер под лопаткой, из-за которого мы сцепились днем. Сейчас я подходила к нему осторожно, кругами, постепенно сжимая кольцо.

Стефан зашипел сквозь зубы, когда я надавила чуть сильнее.

— Дышите! — резко сказала я. — Вдох — и длинный выдох. Продышите эту боль. Не зажимайте её внутри.

Он сделал глубокий вдох и медленный, хриплый выдох.

Я надавила на узел на выдохе, проникая вглубь ткани.

Мышца дернулась и... расслабилась.

Стефан издал звук, похожий на стон облегчения, смешанный с рычанием.

— Вот так, — похвалила я, переходя к пояснице. — Мо-

лодец.

В комнате повисла тишина. Но теперь она была другой. Не звенящей от напряжения, как при нашем знакомстве, а густой, рабочей, почти интимной. Слышалось только шуршание моих рук по его коже, его тяжелое дыхание и вой ветра за окном.

Мы были одни в этом лесу, в этом старом доме, отрезанные от всего мира.

Здесь не было его миллионов (которых, как я думала, у него нет) и моей нищеты. Не было Макара с его предательством. Не было Аделины с её молодостью.

Были только мои руки и его боль.

Я работала, погружаясь в своеобразный транс. Я изучала его тело, как слепой изучает шрифт Брайля.

Вот здесь, на ребрах, старый шрам, кожа стянута, нужно размягчить спайки.

Вот здесь, на пояснице, след от операции — видимо, грыжа или осколок. Тут осторожнее.

А вот здесь, на шее, зажим такой силы, что, наверное, у него постоянно болит голова.

— У вас часто мигрени? — спросила я тихо, прорабатывая воротниковую зону.

— Постоянно, — буркнул он, уже не пытаясь грубить. Голос звучал глухо, словно из бочки. — Будто обруч на башку надели и затягивают.

— Это от шеи. Кровоток нарушен. Сейчас разгоним.

Я надавила большими пальцами на точки у основания черепа.

Стефан замычал. Это было пограничное состояние — где-то между болью и наслаждением.

Я чувствовала, как его огромное тело начинает обмякать под моими руками. "Броня" давала трещины. Он переставал бороться со мной и начинал принимать помощь.

Странное чувство накрыло меня.

Я смотрела на его широкую спину, на мощный затылок, на руки, которые могли бы сломать меня пополам, но сейчас безвольно лежали на простыне.

Он был "медведем", зверем, чудовищем для всех. Но под моими руками он становился просто человеком. Уязвимым. Измученным.

Я вспомнила Макара. Мой бывший муж был красив, ухо-

жен, следил за собой. Но Макар ныл от любой царапины. Если у него болела голова, вся семья должна была ходить на цыпочках.

Стефан же носил в себе столько боли, что хватило бы на десятерых, и молчал. Рычал, огрызался, но не жаловался.

В этом была какая-то дикая, первобытная сила, которая невольно вызывала уважение.

— Терпимо? — спросила я, переходя к пояснице.

Ответа не последовало.

— Стефан? — я ослабила нажим.

Тишина. Только дыхание стало глубоким, ровным и размеренным.

Я осторожно заглянула ему в лицо, склонившись над кроватью.

Он спал.

Человек, который, по словам Давида, мучился бессонницей месяцами, который глушил боль таблетками и алкоголем, уснул прямо во время массажа, уткнувшись лицом в свернутое полотенце.

Его черты разгладились. Исчезла та глубокая складка между бровей, которая делала его взгляд тяжелым. Рот был

чуть приоткрыт.

Во сне он не выглядел ни старым, ни страшным. Он выглядел... умиротворенным. И даже красивым какой-то суровой, мужской красотой.

Темные ресницы отбрасывали тени на впалые щеки. Сейчас, когда гнев и напряжение ушли, лицо его приобрело выражение суровой, почти детской безмятежности. Шрамы никуда не делись, борода все так же топорщилась, но я видела не «зверя», которым пугала меня Анфиса, а измотанного мужчину, который наконец-то добрался до привала.

Я осторожно убрала руки с его спины. Медленно, чтобы не разбудить.

Он даже не шелохнулся. Только грудь размеренно поднималась и опускалась в такт глубокому, тягучему дыханию.

Я взяла бумажные полотенца и аккуратно, едва касаясь, промокнула излишки масла с его кожи. Оно впиталось почти полностью — так иссушенное дерево жадно пьет влагу после засухи. Его тело нуждалось в заботе не меньше, чем в лекарствах.

Огляделась в поисках одеяла.

На спинке кресла висел тот самый старый, колючий шерстяной плед в крупную клетку, который наверняка помнил

еще советские времена. Я взяла его, расправила в воздухе и накрыла Стефана по самые плечи.

Он инстинктивно дернулся во сне, почувствовав тепло, буркнул что-то неразборчивое и зарылся носом в подушку, подтягивая колени к животу. Свернулся калачиком.

Огромный, грозный медведь в своей берлоге.

Сейчас он казался совершенно беззащитным.

Я поймала себя на мысли, что стою и смотрю на него дольше, чем нужно врачу, закончившему процедуру. Мне хотелось поправить ему сбившуюся прядь волос.

Я одернула руку.

«Стоп, Есения. Не придумывай лишнего. Это пациент. Твой заработок. Твой билет в нормальную жизнь».

Но где-то в глубине души, под слоем усталости и обиды на весь мужской род, шевельнулось странное чувство. Не жалость, нет. Жалость унижает, а этого мужчину унижать не хотелось. Это было сочувствие. Узнавание.

Мы с ним были похожи. Два подранка, выброшенных на обочину красивой жизни. Я — с дырявым карманом и разбитым сердцем, он — с разбитым телом и душой, запертой

в этом склепе.

— Спи, медведь, — прошептала я одними губами. — Завтра будет новый бой. Но этот раунд — за миром.

Я собрала свои флаконы, закрутила крышку на масле с запахом тайги. Тихонько щелкнула выключателем торшера.

Комната погрузилась в темноту, разбавленную лишь серым светом луны, пробивающимся сквозь ветки елей за окном.

Я вышла в коридор, прикрыв за собой дверь.

В старом доме было холодно, но мне почему-то стало тепло. Я посмотрела на свои руки. Они пахли пихтой и мужской кожей.

Впервые за последние двое суток я не чувствовала себя ничтожеством. Я сделала свою работу. И я сделала её хорошо.

Я пошла на кухню, чтобы заварить себе чай из пакетика. Завтра будет новый день. Макар, суды, безденежье — всё это никуда не делось. Но сегодня я одержала маленькую победу. Я приручила зверя. Хотя бы на одну ночь.

Глава 9 (Макар)

(от лица Макара)

Я сидел за шатким столиком в модной кофейне «Смузи и Люди» и чувствовал себя идиотом. Но не потому, что место было дурацким — хотя оно таким и было: вместо нормальных стульев какие-то жердочки, на стенах нарисованная трава, а в меню ни одного названия, которое можно произнести без словаря.

Я чувствовал себя идиотом из-за джинсов.

Аделина выбирала их полчаса в бутике. «Скинни», кажется, так это называлось.

— Котик, это сейчас самый тренд! — щебетала она, запихивая меня в примерочную. — Хватит носить эти дедовские брюки. Ты у меня молодой, спортивный, надо подчеркивать фигуру!

Я и подчеркнул. Теперь плотная джинсовая ткань врезалась мне в живот и пах, перекрывая кровоток. Стоило сесть, как пояс впился в бока, напоминая, что спортзал я посещаю не так часто, как хотелось бы, а пиво люблю больше, чем протеиновые коктейли.

Вдобавок на мне была ярко-желтая куртка-бомбер, в ко-

торой я чувствовал себя огромной канарейкой-переростком.

— Зато стильно, — пробормотал я, глядя на свое отражение в витрине. — Молодежно.

Я поправил на столе белую, лаконичную коробку с надкушенным яблоком.

Мой козырь. Моя индульгенция.

Айфон последней модели. «Про Макс», терабайт памяти, цвет «титановый синий».

Я взял его в рассрочку сегодня утром, пока ехал на работу. Переплата конская, но оно того стоит. Полина давно ныла, что ее старый телефон глючит. Есения всё обещала: «На день рождения, Полечка, вот подкопим...».

А я не коплю. Я действую. Я — папа-праздник.

Сейчас она придет, увидит подарок, и лед растает. Девчонки в девятнадцать лет продадут душу за новый гаджет, я же знаю.

Я посмотрел на часы. Полина опаздывала уже на десять минут.

Вокруг сновали хипстеры с ноутбуками, пили какую-то зеленую жижу из стаканов. Я заказал себе двойной эспрес-

со, надеясь, что хоть кофе тут нормальный. Вкуса не почувствовал — сплошная горечь. Вспомнилась наша домашняя кофемашина, которую я так удачно эвакуировал к Аделине. Правда, Аделина сегодня утром не смогла с ней разобраться, нажала не туда, и кухню залило кипятком, но это мелочи. Зато кофе был свой.

Колокольчик над дверью звякнул.

Я вытянул шею.

Вошла Полина.

Сердце кольнуло привычной отцовской гордостью — красивая она у меня. Высокая, в Есению, волосы русые, густые. Только вот одета...

На ней был старый пуховик, который мы покупали еще в десятом классе. Шарф замотан так, что видно только нос. И вид у неё был такой, словно она идет не на встречу с любимым папой, а на пересдачу сопромата к самому злобному преподу.

Я вскочил, зацепив коленом ножку стола. Кофе в чашке плеснул на блюдце.

— Принцесса! — я раскинул руки, изображая максимальное радушие. — Ну наконец-то! Я уж думал, тебя украли.

Полина подошла к столику, но обниматься не стала. Просто кивнула и села напротив, не расстегивая куртку.

— Привет, пап.

Голос сухой, колючий. Глаза красные, припухшие. Плакала? Или не выпалась?

Ладно, это мы сейчас исправим.

— Ты чего такая кислая? Сессия на носу? — я плюхнулся обратно на жердочку, стараясь незаметно оттянуть пояс джинсов. — Давай, раздевайся, тут жарко. Я заказал тебе... эээ... вот это всё.

Я широким жестом обвел стол.

Пока я ждал, я успел заказать половину витрины. Три вида чизкейка, какие-то макарони, огромный молочный коктейль с горой взбитых сливок и посыпкой, салат с авокадо (Аделина говорила, что все молодые это едят).

Стол ломился от еды. Это выглядело как пир во время чумы, но я хотел показать щедрость. Смотри, дочь, отец при деньгах. Отец гуляет.

Полина посмотрела на гору пирожных с нескрываемым отвращением.

— Я не голодна, — сказала она, отодвигая от себя тарелку с чизкейком.

— Да ладно тебе! В общаге поди одними дошираками питаешься. Ешь давай, папа платит.

— Я поела, — отрезала она. — В столовой. Гречку с кот-

летой. Мама вчера перевела мне последние деньги.

Удар под дых.

Она сделала ударение на слове «последние».

— Ну зачем ты так драматизируешь? — я поморщился.

— Какие последние? У матери зарплата скоро. Да и я... я не отказываюсь помогать. Алименты будут, все как положено.

— Алименты? — она наконец посмотрела мне в глаза. Взгляд у неё был тяжелый, взрослый. Не дочерний. — Пап, ты ушел позавчера. Ты оставил её с пустым холодильником. Она мне звонила, чтобы успокоить, а у самой голос дрожал так, что телефон вибрировал.

— Полина, это дела взрослых, — я решил сменить тактику и включить строгого родителя. — Ты многого не знаешь. Мать любит давить на жалость, изображать жертву. Это её амплуа.

— Амплуа? — она горько усмехнулась. — А твое амплуа какое? Герой-любовник в желтой куртке?

Меня обожгло злостью. Желтая куртка ей не нравится! Да она стоит как вся её стипендия за год!

— Не дерзи отцу. Я, между прочим, о тебе забочусь. Я хотел встретиться, посидеть нормально, как цивилизованные люди. А ты начинаешь с претензий.

Я решил, что пора доставать главный калибр. Разговоры не клеятся, значит, надо переходить к материальным аргументам.

Я подвинул к ней белую коробку. Торжественно, как официант подает блюдо от шефа.

— Вот. Это тебе.

Полина скосила глаза на коробку. На лице не дрогнул ни один мускул. Ни визга, ни «вау», ни блеска в глазах.

— Что это?

— Это тринадцатый про макс. Терабайт. Цвет — космос. Открой, посмотри. Твой-то старый совсем разбит, стыдно с таким ходить. А теперь будешь самая модная на курсе.

Я улыбался, ожидая реакции. Ну же, давай. Это же айфон! Это пропуск в мир крутых.

Полина медленно протянула руку. Но не чтобы взять коробку, а чтобы отодвинуть её от себя подальше, на край стола, к нетронутому салату с авокадо.

— Мне не нужно, — сказала она тихо.

У меня отвисла челюсть.

— В смысле — не нужно? Полина, ты цену его видела? Я ради этого... я старался, выбирал.

— Зачем? — перебила она. — Чтобы купить меня? Чтобы я забыла, как ты поступил с мамой? Или чтобы я лайкала твои сториз с этой... новой шваброй?

— Не смей называть Аделину шваброй! — я грохнул ладонью по столу. Коктейль в высоком стакане опасно качнулся. — Она хорошая девушка. Она меня понимает. Она, в отличие от твоей матери, живая!

— Живая... — повторила Полина с такой интонацией, словно пробовала слово на вкус и находила его тухлым. — А мама, значит, мертвая?

— Мама запустила себя! — я не выдержал. Накипело. Пусть знает правду. — Посмотри правде в глаза, Поля. Есения превратилась в тетку. В клушу. Халат, бигуди, вечное нытье про экономию. Она перестала быть женщиной. От неё пахнет только кухней и мазью для суставов! Мне сорок три года, я мужик в расцвете сил, я хочу жить, путешествовать, любить! А не слушать про акции в «Пятерочке» и про то, что нам надо копить на черный день. Вот она и накаркала этот черный день!

Я выдохнул. Меня несло. Я говорил то, что крутил в голове последние дни, оправдывая себя перед зеркалом.

Полина слушала молча. Она даже не моргала. Только побелели пальцы, вцепившиеся в край стола.

Когда я замолчал, повисла тишина. Диджей в кафе сменил трек на что-то меланхоличное.

— Ты дурак, папа, — сказала она. Спокойно, без истерики. И от этого стало страшнее. — Ты просто феерический, самовлюбленный дурак.

— Что?!

— Мама запустила себя? Seriously? А ты не помнишь, почему? Ты не помнишь, кто пять лет назад лежал пластом и ходил под себя в судно? Ты не помнишь, кто тебя мыл, кто

тебя переворачивал каждые два часа, чтобы пролежней не было? Кто научился делать массаж, потому что на платных спецов у нас денег не было?

— Это был её долг! — буркнул я, чувствуя, как краснеют уши. — Она жена. В горе и в радости.

— В горе она была, — кивнула Полина. — Она была с тобой в таком горе, от которого другие бегут. Бабушка твоя, мать родная, отказалась тебя забирать, сказала «не потяну». А мама потянула. Она работала на двух ставках, а потом бежала домой, чтобы тебе бульон сварить. Она не покупала себе вещи годами, папа! Она ходила в одних сапогах три сезона, чтобы тебе купить корсет и витамины!

— Хватит! — рывкнул я. Люди за соседними столиками начали оборачиваться. — Я не просил этих жертв!

— Не просил? — Полина криво усмехнулась. — Ты был по ночам и просил «Еся, сделай что-нибудь, больно». И она делала. Она отдала тебе всё — свою красоту, свое время, свое здоровье. Она не запустила себя, папа. Она отдала себя тебе. По кусочкам. Чтобы ты встал на ноги, надел эту клоунскую желтую куртку и сказал, что она «пахнет мазью». Знаешь, почему она пахнет мазью? Потому что она до сих пор работает руками, чтобы выжить!

Она встала. Резко, опрокинув стул.

Её трясло.

— Я не возьму этот телефон. Он мне жжет руки.

Она ткнула пальцем в белую коробку.

— Сдай его обратно. Прямо сейчас. И переведи эти деньги маме. Ей есть нечего, папа. Ты же забрал всё. Даже кофемашину. Это так... мелко. Так жалко.

— Полина, сядь! — я тоже вскочил, пытаюсь схватить её за руку. — Ты не понимаешь! Я хотел как лучше!

Она отшатнулась от меня, как от прокаженного.

— Я всё понимаю. Ты думаешь, что ты крутой. Что у тебя вторая молодость. А на самом деле ты просто предал единственного человека, который любил тебя любым. Даже овощем.

Она подхватила свой рюкзак.

— Не звони мне пока. Я не могу тебя видеть. И эту твою... новую жизнь. Тошнит.

Она развернулась и пошла к выходу, лавируя между столиками. Прямая спина, гордо вскинутая голова. Вся в мать. Такая же упрямая.

Я смотрел ей вслед и чувствовал, как внутри всё кипит.

Неблагодарная. Дрянь. Настроила её! Еська настроила! «Последние деньги перевела» — да это же манипуляция чистой воды! Специально, чтобы выставить меня монстром перед ребенком.

Я рухнул обратно на жердочку-стул. Джинсы больно врезались в живот.

Передо мной стояла гора нетронутых пирожных, тающий коктейль и коробка с телефоном, который оказался никому не нужен.

Аппетит пропал напрочь.

— Можно счет? — гаркнул я проходящему официанту — парню с татуировкой на шее и кольцом в носу.

— Конечно, сейчас.

Парень положил передо мной кожаную папку.

Я открыл.

Цифра в итоговой строке заставила меня присвистнуть. Пять тысяч двести рублей. За что? За три куска торта и траву с авокадо?

Грабеж. В нормальной столовой на эти деньги можно неделю обедать.

Но я не стал спорить. Я же крутой. Я папа-праздник.

Я достал карту. Ту самую, зарплатную, «золотую», которую гордо вручил Аделине три дня назад со словами «Ни в чем себе не отказывай, малыш». Сегодня утром я забрал её, чтобы оплатить первый взнос за телефон.

Приложил пластик к терминалу.

Парень с кольцом в носу скучающе смотрел в потолок.
Пик-пик.

Красный огонек.

Надпись на экране: «Отказ. Недостаточно средств».

— Что за черт? — пробормотал я. — Попробуйте еще раз.

Чип, наверное, глючит.

Я вставил карту внутрь. Ввел пин-код. Уверенно, с нажимом.

Терминал задумался, крутя колесико загрузки.

Пик-пик.

«Недостаточно средств».

У меня похолодело под лопатками.

Там было сто тысяч. Лимит овердрафта плюс остаток зарплаты. Я проверял вчера вечером.

Сто тысяч!

Я купил телефон в рассрочку, заплатил только первый взнос — десятку. Где остальное?

Официант посмотрел на меня. В его взгляде уже не было профессиональной вежливости. Появилась тоскливая брезгливость, с которой смотрят на нищевродов, пытающихся прыгнуть выше головы.

— Мужчина, оплата не проходит. Денег нет. Другая карта есть?

— Подождите... — я выхватил телефон, зашел в приложение банка. Руки дрожали, я два раза промазал мимо иконки. История операций.

Вчера, 23:15 — Ресторан «SkyLounge» — 15 000 руб.

Вчера, 01:30 — Караоке-клуб «Орало» — 12 000 руб.

Сегодня, 10:00 — ЦУМ (бутик нижнего белья) — 25 000 руб.

Сегодня, 11:30 — Салон красоты «Эгоистка» — 18 000 руб.

Сегодня, 13:00 — Магазин парфюмерии — 20 000 руб.
Аделина.

«Малыш, ни в чем себе не отказывай».

Она и не отказала. Она выпотрошила кредитку за сутки.

Под ноль. Выгребла всё, до копейки, оставив на балансе какие-то жалкие двести рублей.

Я почувствовал, как пот течет по спине под модной желтой курткой.

Люди за соседним столиком — какие-то фрилансеры с макбуками — перестали стучать по клавишам и смотрели на меня. С интересом. Как на шоу.

Мужик в молодежном прикиде заказал гору еды, поругался с дочерью, а теперь не может расплатиться.

— У вас проблемы? — громко спросил официант, привлекая внимание всего зала. — Мне менеджера позвать?

— Не надо менеджера! — рявкнул я. Лицо горело огнем. Я начал лихорадочно рыться в кошельке. Наличка? Пусто. Я же всё отдал за доставку цветов Аделине утром.

Другая карта?

У меня была одна заначка. Кредитка «Быстрые деньги», которую мне впарили в торговом центре год назад. Там был грабительский процент — сорок годовых. Я поклялся Есенин, что никогда её не активирую, и держал просто «на всякий пожарный».

Вот он, пожарный случай.

Я достал карту банка с логотипом в виде молнии. Рука дрожала. Если я расплачусь ей, я попаду на проценты сразу же.

— Вот, — я протянул пластик. — Пробуйте.
Официант с сомнением взял карту.

Пик.

Зеленый огонек. «Одобрено».

Выполз чек.

Я выхватил бумажку, сгреб коробку с айфоном и, не глядя ни на кого, почти выбежал из кафе.

Свежий воздух ударил в лицо, но облегчения не принес.

Меня душила злоба.

На Полину — за её слова.

На Аделину — за то, что она, безмозглая курица, спустила сто тысяч за день, не предупредив меня.

Но больше всего — на Есению.

Это она виновата. Это её проклятая энергетика. Накарка-

ла! «Черный день, черный день». Вот он и настал.

Она отравила дочь против меня. Она своим нытьем притянула эти неудачи. Ведьма.

Я сел в машину, бросил телефон на соседнее сиденье.

Айфон в коробке смотрел на меня неммым укором. Теперь мне придется платить за него кредит, плюс проценты по карте, плюс восстанавливать лимит... Аделина оставила меня без штанов.

Я ударил кулаком по рулю.

— Ничего, — прошипел я. — Я выкручусь. Я всем докажу. Вы еще приползете ко мне просить прощения. И Полинка, и Еська. Все приползете.

Я завел мотор, стараясь не думать о том, что дома меня ждет Аделина, которой придется объяснять, почему карта больше не работает. И почему папа-праздник вдруг превратился в папу-банкрота.

Глава 10

Утро выдалось серым, как старая больничная простыня. Низкое небо висело над верхушками сосен, грозя вот-вот разрыдаться то ли снегом, то ли дождем. Я шла по дорожке от главного корпуса к домику лесника, сжимая в руках термоконтейнеры с завтраком, и чувствовала, как внутри натягивается невидимая пружина.

Вчера вечером мне показалось, что я нащупала брешь в броне моего пациента. Тот момент, когда он, огромный и грозный, уснул под моими руками, как ребенок, давал надежду. Я, наивная, решила, что мы заключили негласное перемирие. Что «медведь» принял меня в свою стаю, пусть и на правах полезной прислуги.

Как же я ошибалась.

Домик встретил меня тишиной и задернутыми шторами. Я толкнула тяжелую дверь, привычно вдыхая запах старого дерева и мужского одиночества, который, кажется, въелся здесь в сами бревна.

— Доброе утро, Стефан Андреевич! — бодро произнесла я, ставя контейнеры на стол. — Завтрак по расписанию. Овсянка с ягодами и омлет. Давид Эдуардович велел следить за вашим белком.

В ответ — тишина. Только скрип кресла.

Стефан сидел в своем углу, похожий на грозовую тучу.

Если вчера вечером после массажа его лицо было расслабленным, то сейчас оно снова превратилось в каменную маску. Брови сведены к переносице, губы сжаты в тонкую линию, взгляд исподлобья — тяжелый, колючий, обещающий неприятности.

«Перемирие отменяется, — поняла я, чувствуя, как холодеют руки. — Война продолжается».

— Я не буду это жрать, — пророкотал он вместо приветствия. Голос был хриплым со сна, но в нем звенел металл.

— Это не «жрать», это сбалансированное питание, — спокойно парировала я, распаковывая контейнеры. Аромат горячей каши и кофе наполнил комнату, пытаясь спорить с затхлостью. — Вам нужны силы для реабилитации.

Я поставила перед ним поднос.

Он даже не посмотрел на еду. Он смотрел на меня. И в этом взгляде было столько холодного презрения, что мне захотелось поежиться. Казалось, он видит не меня, а нечто грязное, прилипшее к подошве его ботинка.

— Убери, — сказал он тихо.

— Стефан, прекратите капризничать. Вы взрослый мужчина, а ведете себя как...

Договорить я не успела.

Резкое движение его руки — и поднос полетел на пол.

Грохот. Звон пластика. Чавкающий звук, с которым овсянка встретила с дощатым полом.

Кофе — горячий, черный, без сахара, как он любит — выплеснулся широкой лужей, забрызгав ножку кресла и край моего халата.

Я отскочила, но несколько горячих капель все же попали на голень.

В комнате повисла тишина. Только где-то в углу тикали старые ходики, отсчитывая секунды моего позора.

— Опять помои притащила? — рывкнул он, глядя на дело рук своих без тени раскаяния. — Ты меня отравить хочешь? Или твой Давид решил на мне сэкономить, раз я теперь нищий? Сами жрите этот клейстер!

Я стояла и смотрела на растекающуюся по полу овсянку. Ягоды голубики, которые повар украсил кашу, валялись в луже кофе, как утопленники.

Внутри меня поднялась горячая волна обиды. Мне захотелось швырнуть в него пустым контейнером. Захотелось заорать, высказать всё, что я думаю о его свинстве, о его неблагодарности, о том, что я, врач с пятнадцатилетним стажем, не занималась быть полумойкой у психопата.

Но я вспомнила конверт в кармане пуховика.

Восемьдесят тысяч.

Мой адвокат. Мои новые сапоги. Моя независимость от Макара.

Я сделала глубокий вдох. Раз, два, три. Выдох.

Деньги не пахнут. Даже если они пахнут пролитым кофе и унижением.

Я молча подошла к углу, где стоял хозяйственный инвентарь. Взяла тряпку и ведро.

Вернулась к луже. Опустилась на колени.

— Что, гордость проглотила? — ядовито спросил Стефан, наблюдая за мной сверху вниз. — Думала, я тебя жалеть буду? Думала, раз помяла мне спину, то мы теперь друзья?

Я не отвечала. Я просто собирала кашу тряпкой, отжимая её в ведро. Грязная, липкая работа.

Он провоцировал. Он щупал границы. Он хотел, чтобы я сорвалась, заплакала, убежала. Чтобы доказала его теорию о том, что все бабы — истерички или корыстные твари.

Не дожدهшься, медведь.

Я вымыла пол. Вытерла насухо. Встала, отряхнула колени.

— Кофе больше нет, — сказала я ровным голосом, глядя ему прямо в глаза. — Вода в графине. Приятного аппетита.

Он хмыкнул, явно разочарованный моей выдержкой. Но в его глазах мелькнул огонек злого азарта.

— Ладно. С полом справилась. Теперь давай займемся делом.

Он пошарил рукой по тумбочке и швырнул мне на колени стопку газет. Тяжелую, пахнущую типографской краской.

Это были не «Сканворды» и не «Здоровый образ жизни». Это были деловые издания: «Коммерсантъ», «Ведомости», «РБК». Давид присылал их ему каждое утро вместе с продуктами.

— Читай, — приказал Стефан, откидываясь на спинку кресла и закрывая глаза. — Вслух. У меня от этого света глаза режет, а знать, что в мире творится, надо. Даже на свалке. Я развернула первую газету.

— Что именно читать?

— Всё подряд. Начиная с индексов и котировок. Потом аналитику по нефти. И давай бодрее, не бубни.

Я вздохнула и начала читать.

— Индекс Мосбиржи на открытии торгов показал отрицательную динамику... Акции «Газпрома» снизились на ноль

целых три десятых процента... Фьючерсы на нефть марки Brent...

Текст был сухим, скучным и непонятным. Какие-то волатильности, IPO, дивидендные гэпы. Я, человек, чей финансовый горизонт ограничивался зарплатной картой и ипотекой, чувствовала себя так, словно читаю заклинания на древнешумерском.

Стефан слушал, не шевелясь. Но стоило мне запнуться или неправильно поставить ударение, как он взрывался.

— Стоп! — рявкнул он, когда я исковеркала название какой-то американской корпорации. — Ты что несешь? Какой «Дов Йонес»? Это Доу-Джонс! Индекс Доу-Джонса! Ты вообще в школе училась или только клизмы ставить умеешь?

— Я врач, а не брокер, — огрызнулась я, чувствуя, как начинают гореть щеки.

— Ты читать не умеешь, вот кто ты, — он скривился. — Голос у тебя, как у умирающего лебедя. Монотонный, скрипучий. У меня от него голова еще больше болит. Читай с выражением! Это деньги, дура, а не некролог!

Я стиснула зубы так, что заболели скулы.

— «На фоне геополитической напряженности...» — продолжила я громче, стараясь чеканить слова.

— Не ори! — тут же оборвал он. — Я не глухой.

Это была пытка. Изошренная, психологическая пытка. Он гонял меня по колонкам цифр, заставлял перечитывать аб-

зацы, если ему казалось, что я «проглотила окончание». Он высмеивал мой акцент, мою дикцию, мой интеллект.

Он наслаждался своей властью. Ему не нужны были эти новости — я видела, что он знает всё это лучше, чем написано в газете. Ему нужно было сломать меня. Заставить чувствовать себя ничтожеством.

Через час у меня пересохло в горле и начал садиться горло.

— Всё, хватит, — он махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху. — Толку от тебя ноль. Только бумагу перводишь своим блеянием.

Я положила газету на стол. Руки слегка дрожали от напряжения.

— Время процедур, Стефан Андреевич. ЛФК. Нам нужно разрабатывать колено и тазобедренный сустав.

— О, пыточная открывается, — он криво усмехнулся. — Ну давай, садистка. Покажи, на что способна.

Он с трудом перебрался с кресла на кровать. Я видела, что каждое движение дается ему с болью, но он не издал ни звука. Гордый.

Я подошла к кровати.

— Ложитесь на спину. Начинаем с пассивного сгибания. Расслабьте ногу, я всё буду делать сама. Ваша задача — не сопротивляться.

Я взяла его правую ногу — тяжелую, как бетонная колонна. Мышцы бедра были твердыми от спазма.

— Вдох — сгибаем. Выдох — разгибаем. Поехали.

Я начала ритмично сгибать его ногу в колене, подтягивая к животу. Раз, два, три...

Это была тяжелая физическая работа. Я упиралась ногами в пол, используя вес своего тела.

Стефан лежал, глядя в потолок. Сначала он молчал, лишь морщился на пике амплитуды.

Но молчание длилось недолго. Ему стало скучно. Или он решил, что утренний «разнос» был недостаточно эффективным.

— А ты упертая, — вдруг сказал он, не поворачивая головы. — Другая бы уже сбежала. Или разревелась. А ты терпишь.

— Я выполняю свою работу, — ответила я, не сбиваясь с ритма. — Вдох. Выдох.

— Работу... — он хмыкнул. — Знаю я такую работу. Деньги очень нужны? Или просто идти некуда?

Я промолчала.

— Молчишь... Значит, угадала Анфиска. Говорила она мне, что ты «в сложной жизненной ситуации».

Он повернул голову и посмотрел на меня. Взгляд был цепкий, изучающий, проникающий под кожу.

— Чего ты такая деревянная, Есения? Вся зажатая, как пионерка на линейке. Ни улыбки, ни искры. Правильная до тошноты.

— Я не клоун, чтобы вас веселить, — процедила я. — Сгибаем ногу.

— Вот-вот, — он продолжил, словно не слышал меня. — Тоска зеленая. Я смотрю на тебя и думаю: как с такой вообще жить можно? Скучно же. Пресно.

Он бил наугад, прощупывая почву, но его интуиция была пугающе точной.

— Мужик-то твой, небось, от такой тоски и сбежал? — бросил он лениво, словно между прочим.

Мои руки замерли. Я остановилась на полпути, держа его тяжелую ногу на весу.

Сердце пропустило удар и ухнуло куда-то вниз, в пятки.

В ушах зазвенел голос Макара: «Ты пахнешь борщом и лекарствами. С тобой скучно. Я хочу жить».

Стефан увидел мою реакцию. Он увидел, как я побледнела, как расширились мои зрачки. И понял, что попал. Прямо

в яблочко. Прямо в открытую рану, которая еще не успела затянуться.

— Угада-ал, — протянул он с садистским удовольствием. — Значит, сбежал. И правильно сделал. Мужика, Еся, огонь нужен. Эмоции. А ты — как эта овсянка. Полезная, но безвкусная. Нашел, наверное, молодую? Веселую? Которая не читает нотации про давление?

— Замолчите, — прошептала я.

— А что, правда глаза колет? — он приподнялся на локтях, заглядывая мне в лицо. — Обидно, да? Ты ему — котлетки на пару и носки глаженные, а он тебе — ручкой помахал и к другой ушел. К той, с которой не скучно.

Каждое его слово было ударом хлыста. Он озвучивал мои самые страшные ночные кошмары. Он говорил голосом моей неуверенности, голосом моего унижения.

Он не знал Макара. Он не знал Аделину. Но он описал всё так точно, будто стоял за дверью в тот вечер.

Я чувствовала, как к горлу подкатывает горячий ком. Глаза защипало.

Хотелось бросить его ногу. Хотелось вцепиться ему в лицо ногтями. Хотелось заорать: «Да что ты знаешь о моей жизни, урод?!».

Но я — профессионал. Я врач. А он — пациент. Больной, озлобленный человек, который пытается выместить свою

боль на мне. Если я сорвусь — он победит.

Я медленно, очень бережно опустила его ногу на кровать. Расправила складку на одеяле.

Выпрямилась.

Поправила воротник халата.

Сделала глубокий вдох, загоняя слезы обратно, внутрь.

— Моя личная жизнь в прайс-лист ваших услуг не входит, Стефан Андреевич, — сказала я. Мой голос звучал тихо, но твердо, как сталь. В нем не было ни истерики, ни оправданий. — Мы здесь лечим ваше колено, а не мою душу. И не вашу совесть.

Стефан замер. Он ожидал взрыва, а наткнулся на ледяную стену.

— Продолжаем, — скомандовала я сухо. — Вторая нога. Десять повторений. Я жду.

Я развернулась к нему спиной и подошла к столику с инструментами, якобы чтобы сделать запись в журнале наблюдений. На самом деле мне просто нужно было несколько секунд, чтобы привести лицо в порядок.

Я стояла к нему спиной, глядя невидящим взглядом на ампулы в коробке.

Меня трясло.

Я протянула руку, чтобы взять ручку.

Рука дрожала.

Мелкой, противной, предательской дрожью. Пальцы не слушались. Я попыталась взять ватный диск, лежащий рядом, но не смогла ухватить его с первого раза — он выскользнул.

Я зажмурилась, пытаюсь унять эту дрожь. Пытаясь дышать.

«Он не видит, — убеждала я себя. — Он лежит сзади. Он не видит».

Но Стефан видел.

В комнате повисла тишина. Он не явился, не смеялся.

Он лежал и смотрел на мою спину. На напряженные плечи, обтянутые белой тканью халата. И на эту дрожащую руку, которая безуспешно пыталась поймать кусочек ваты.

Его взгляд, который только что был полон злого торжества, изменился.

Он хотел укусить «алчную бабу», которая пришла за его деньгами. Он хотел унижить прислугу.

А ударил живого человека.

Он увидел не "функцию", не "сиделку". Он увидел женщину, которой только что сделали очень, очень больно. И сделал это он. Просто так. Ради развлечения. Потому что ему самому было плохо.

Впервые за все это время его броня дала трещину. Не от моего массажа, а от моей боли.

Ему стало... гадко. Мерзко от самого себя. Как будто он пнул котенка.

Я все еще стояла к нему спиной, пытаюсь справиться с собой.

И вдруг услышала шорох. Скрип кровати. Тяжелое дыхание.

Я замерла, ожидая новой колкости.

Но Стефан молчал.

Вместо слов я услышала ритмичный звук движения.

Шурх... Шурх...

Я медленно обернулась.

Стефан лежал на спине, глядя в потолок. Его лицо было

каменным, челюсти сжаты так, что ходили желваки.

Он поднимал левую ногу. Сам.

Без помощи. Без моей команды.

Сгибал в колене, подтягивал к груди, морщась от боли, и выпрямлял обратно.

Раз. Два. Три.

Он делал упражнение.

Наши взгляды встретились.

В его глубоко посаженных глазах больше не было издевки. Там была мрачная, тяжелая серьезность. И что-то еще. Что-то похожее на неуклюжее, мужское извинение, которое никогда не будет произнесено вслух.

— Десять, — хрипло отсчитал он. — Довольна?

— Вполне, — кивнула я, пряча дрожащие руки в карманы халата. — Переходим к растяжке.

Мы продолжили работу в тишине. Но это была уже другая тишина. В ней не было войны. В ней было странное, хрупкое перемирие двух раненых зверей, которые поняли, что кусать друг друга — бессмысленно. Больно обоим.

Глава 11(Стефан)

(от лица Стефана)

Когда дверь за Есенией закрылась, в комнате стало необычно тихо. Обычно я ценил тишину. Я культивировал её, оберегал, как редкое растение, рыча на любого, кто смел нарушить мой покой. Но сегодня эта тишина ощущалась иначе. Она была не пустой, а выжидающей. Словно дом затаил дыхание, гадая, вернется ли эта странная женщина с ее командным голосом и горячими руками.

Я пошевелил плечами. Привычный скрежет в суставах, казалось, стал тише. Боль, мой верный спутник последних месяцев, отступила, спряталась в глубокие норы мышц, испугавшись напора этой валькирии в белом халате.

Она ушла на перерыв. Сказала: «Пойду подышу, пока вы перевариваете свою злость и газеты».

Дерзкая.

Я посмотрел на стопку «Коммерсанта», которую она читала мне битый час. Горло у нее, наверное, саднит. Голос под конец стал хриплым, но она не сбилась ни разу, даже когда я откровенно издевался над ее произношением.

Терпела.

Я с трудом, опираясь на подлокотники, поднялся из кресла. Ноги слушались плохо, но лучше, чем вчера. Вчера я бы полз до окна, а сегодня дошел. Шаркая, конечно, как столетний дед, но сам.

Мне стало скучно. И, чего греха таить, любопытно.

Что она делает? Курит? Плачет? Звонит мужу-беглецу, чтобы умолять вернуться?

Я подошел к окну, выходящему на крыльцо. Отогнул край пыльной портьеры буквально на сантиметр, чтобы остаться незамеченным. Старая шпионская привычка — наблюдать, оставаясь в тени.

Есения сидела на верхней ступеньке крыльца.

На улице было сыро и промозгло, ноябрьский ветер гнал по двору пожухлые листья, но она, казалось, не замечала холода. Она куталась в свой дешевый пуховик, натянув рукава до самых пальцев.

В руках у нее был пластиковый контейнер. Обычный, дешевый, с потрескавшейся крышкой.

Я прищурился.

Она ела.

Медленно, механически подносила ложку ко рту.

В контейнере была гречка. Пустая. Без мяса, без подливы, даже без масла — зерна рассыпались, выглядели сухими.

Рядом стояла дымящаяся кружка с кипятком. Видимо, набрала в моем чайнике.

Я нахмурился.

Что за цирк?

В главном корпусе «Феникса» кормили на убой. Для персонала была отдельная столовая, но готовили там те же повара, что и для гостей. Шведский стол: салаты, супы, горячее. Давид денег на еду не жалел, считал, что сытый сотрудник — добрый сотрудник.

Почему она сидит здесь, на холодной ступеньке, и давится сухой гречкой, принесенной из дома?

У нее диета? Или принцип такой — не есть казенное?

Я вспомнил ее сапоги с отклеившейся подошвой. Вспомнил вчерашнее уведомление на экране ее телефона: «Баланс: 12 рублей».

Нет, это не диета. И не принципы.

Это нищета.

Такая, когда экономят даже на бесплатном, боясь, что завтра этот аттракцион щедрости закончится. Или когда экономят время, чтобы не идти до столовой, а потратить лишние полчаса на... на что? На мысли о том, как жить дальше?

Меня это царапнуло. Не жалостью — я не умею жалеть. Неправильностью. Диссонансом.

В моем санатории (ну, формально он мой, хоть по документам я здесь никто) люди не должны жрать пустую кашу на морозе. Это портило карму места.

В этот момент она отставила контейнер и потянулась к карману. Телефон.

Я увидел, как напряглась ее спина, когда она посмотрела на экран.

Она приняла вызов.

Я потянул ручку форточки. Старая рама поддалась бесшумно — Есения вчера смазала петли, когда проветривала (хозяйственная, черт бы ее побрал).

В комнату ворвался холодный воздух и обрывки ее разговора.

— ...Да, я понимаю, — голос ее звучал глухо, устало. — Я знаю про задолженность за три месяца. Нет, не отключайте, пожалуйста. У меня там... там продукты в холодильнике испортятся.

Пауза. Она слушала собеседника, опустив голову так низко, что подбородок касался груди.

— Я всё оплачу. Даю слово. У меня сейчас сложная ситуация, но я нашла работу. Через неделю... Нет, раньше не получится. Послушайте, я же никогда не задерживала раньше! Войдите в положение... Хорошо. Неделя. Спасибо.

Она нажала отбой и уронила руку с телефоном на колени. Сидела неподвижно, глядя перед собой невидящим взглядом. Потом сделала глоток пустого кипятка, словно пытаюсь смыть горечь разговора.

Я аккуратно прикрыл форточку и отошел от окна.

Вернулся в кресло, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение.

ЖКХ. Три месяца долга. Угроза отключения света.

Вот, значит, какая у нас реальность.

Моя вчерашняя теория о «продажной бабе» трещала по швам. Продажные бабы находят спонсоров. Продажные бабы умеют крутиться. А эта... эта тонет. Молча, гордо, не прося помощи.

Она получила аванс от Давида — я знал, что он дает «подъемные» в конверте всем, кого присылает ко мне. Сумма там приличная. Но она не побежала в магазин за деликатесами. Она не купила новые сапоги. Она ест гречку.

Значит, бережет каждую копейку для чего-то более важного. Для суда? Для адвоката? Или боится, что я выгоню ее завтра, и придется возвращать деньги?

«Дура гордая», — подумал я зло.

Но злость была направлена не на нее. А на ситуацию.

И, чего уж там, на Давида.

Я потянулся к своему телефону. Нашел в контактах номер главврача.

Гудки шли долго. Давид, наверное, был на совещании или обходе, но мне было плевать.

Наконец, трубку сняли.

— Стефан? Что-то случилось? Ты кого-то убил? — голос друга был напряженным. Видимо, он ждал, что я сейчас потребую увольнения Есенин, как делал это с предыдущими тремя.

— Ты почему людей голодом моришь, эскулап хренов? —

ржавкнул я вместо приветствия.

— Что? — Давид явно опешил. — Кого я морю? Тебе обед не принесли? Я сейчас...

— Мне принесли! — перебил я. — Я про Есению. Почему у тебя сотрудник сидит на крыльце и давится сухой гречкой из дома? Ты ей что, пропуск в столовую не оформил? Или решил сэкономить на фонде зарплаты?

В трубке повисла тишина. Давид переваривал информацию.

— Стефан, окстись. У нее «все включено». Пропуск лежит на вахте. И аванс я ей дал — восемьдесят тысяч наличными, как ты велел. Лично в руки.

— Тогда почему она выглядит так, будто сбежала из концлагеря? — не унимался я. — Сапоги дырявые, долги за квартиру такие, что ей свет отрубают. Я слышал разговор. Она в полной заднице, Давид.

Давид вздохнул. Тяжело, по-стариковски.

— Я догадывался. Анфиса говорила, что муж её обобрал до нитки. Видимо, она этот аванс бережет. На черный день. Или на юристов. Синдром отложенной жизни, знаешь ли. Страх потратить лишнее.

— Плевать мне на синдромы! — я сжал телефон так, что корпус скрипнул. — Мне нужно, чтобы она работала. А не падала в голодные обмороки во время массажа. У нее сил нет меня ворочать.

— И что ты предлагаешь? Дать ей еще денег? Она не возь-

мет. Она гордая, Стефан. Ты бы видел, как она на этот конверт смотрела — как на бомбу.

— Сделай так, чтобы взяла. Придумай что-нибудь. Премию выпиши. Скажи... скажи, надбавка за вредность. За то, что пациент — мурак редкостный. Это будет правдой, она поверит.

Давид хмыкнул в трубку.

— Самокритично.

— Не умничай. И с едой реши. Чтобы сюда носили. Скажи... скажи, что мне положен двойной паек. Усиленное питание для восстановления мышечной массы. А я столько не жру. Пусть ей приходится «помогать», чтобы продукты не выбрасывать. Она баба хозяйственная, еду выкидывать не станет.

— Хитро, — в голосе друга послышалась улыбка. — Ладно, Стефан. Я распоряжусь. С ужином принесут порции на двоих. А с премией... оформим в конце недели как бонус за успешное начало. Подойдет?

— Подойдет. И это... Давид.

— Да?

— Если узнаю, что кто-то из персонала на нее косо смотрит из-за шмоток — уволю к чертям. Понял?

— Понял, понял. Ты меняешься, друг мой. Защищаешь ее?

— Я защищаю свои инвестиции, — буркнул я и нажал отбой.

Инвестиции. Ага, конечно.

Я отшвырнул телефон на диван.

Меня просто бесил беспорядок. Неправильно это, когда человек, который спасает твою шкуру, сам тонет. Это нарушает баланс вселенной.

Есения все еще не возвращалась. Видимо, решила прогуляться до мусорных баков, чтобы выкинуть свой пустой контейнер.

Я встал, чтобы размять затекшие ноги. Прошелся по комнате — пять шагов туда, пять обратно. Трость пока стояла у стены, я пробовал обходиться без нее. Болело, но терпимо. Ее руки и правда творили чудеса.

Проходя мимо стула, который стоял у входа, я зацепился взглядом за пятно цвета пыльной розы.

Шарф.

Она забыла его, когда выходила.

Обычный, вязаный шарф. Дешевая шерсть с акрилом, местами скатавшаяся в катышки. Видно, что ношен не один сезон.

Я сам не знаю, почему потянулся к нему. Рука сработала

быстрее мозга.

Я взял шарф. Ткань была грубоватой, но теплой.

Я поднес его к лицу.

Ожидал почувствовать запах дешевого порошка или уличной пыли.

Но он пах иначе.

Он пах тем самым маслом — хвоей, можжевельником. И еще чем-то... теплым. Ванилью? Сдобой? Каким-то простым, домашним уютом, которого в моей жизни не было уже лет пять.

Этот запах отличался от стерильного, дорогого аромата «Феникса». И от затхлого запаха моей берлоги.

Это был запах живого человека. Женщины.

Я закрыл глаза, вдыхая этот аромат. Странно, но он успокаивал. Как будто кто-то положил руку на плечо и сказал: «Всё будет нормально, солдат. Война окончена».

В груди, там, где обычно ворочался ледяной ком одиночества, вдруг стало чуть теплее.

Послышался скрип ступеней на крыльце. Она возвращалась.

Я вздрогнул, как пойманный вор.

Положить шарф на место? Не успею. Она сейчас войдет и увидит, как я нюхаю её вещи. Подумает — извращенец. Или псих.

Я метнулся к креслу (удивительно резво для инвалида).

Скомкал шарф в кулаке и сунул его под свою подушку, которая лежала на сиденье.

Плюхнулся сверху, принимая независимый вид.

Дверь открылась. Есения вошла, принеся с собой клуб морозного пара. Щеки у нее порозовели от холода, но глаза оставались грустными.

— Нагулялись? — буркнул я, беря в руки газету и делая вид, что читаю котировки акций «Норникеля».

— Проветрилась, — ответила она, вешая куртку на гвоздь. Огляделась. — А где мой шарф? Я вроде тут оставляла.

У меня внутри екнуло.

— Откуда я знаю? — я даже не поднял головы. — Может, упал. Или ты его в рукав засунула. Я не нанимался следить за твоими тряпками.

Она нахмурилась, похлопала по карманам куртки. Пожала

плечами.

— Наверное, обронила на улице. Ладно, потом поищу.
Она прошла к столу, потирая замерзшие руки.

— Время таблеток, Стефан Андреевич. И обед скоро.

— Жду не дождусь, — проворчал я, чувствуя спиной, как под подушкой, надёжно спрятанный от чужих глаз, лежит её шарф. Мой маленький, ворованный кусок тепла.

Я знал, что это глупо. Знал, что это фетишизм.

Но отдавать его я не собирался.

Пусть полежит. С ним... спокойнее. С ним комната не кажется такой пустой.

И, глядя на то, как она деловито раскладывает лекарства, я поймал себя на мысли, что больше не хочу выжить её отсюда.

Наоборот.

Я хочу, чтобы она осталась.

Глава 12

День, начавшийся с битвы характеров и чтения биржевых сводок, угасал медленно, словно нехотя уступая права густым сумеркам. За окном домика лесника окончательно стемнело. Сосны, обступившие наше убежище, превратились в черных великанов, охраняющих тишину.

Я закончила вечернюю рутину: протерла пыль (которая здесь появлялась из ниоткуда), разложила таблетки в органайзер на завтра, проверила уровень воды в графине. Спина гудела от непривычной нагрузки — все-таки ворочать стокилограммового мужчину на ЛФК было тем еще фитнесом.

Стефан сидел в своем неизменном кресле. Газеты валялись на полу, прочитанные и отброшенные. Он смотрел в темное окно, барабанил пальцами по подлокотнику. В его позе больше не было той агрессивной пружины, что утром. Скорее, задумчивая усталость.

— Я пойду, Стефан Андреевич, — сказала я, вешая полотенце на спинку стула. — Лекарства на тумбочке. Если боли усилятся — звоните, я в соседней комнате.

— Угу, — буркнул он, не оборачиваясь.

Я направилась к выходу из комнаты. В животе предательски заурчало. Обеденная гречка давно переварилась, оставив после себя лишь воспоминание и сосущую пустоту. Я

надеялась, что у меня в сумке осталось хотя бы одно яблоко.
Или, может, заварить еще кипятка? Гово

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.